

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Юнг Карл Густав О природе психе.

Психология, пожалуй, более отчетливо, чем какая-либо другая наука, демонстрирует духовный перелом, знаменующий переход от классической эпохи к современности. История психологии[2 – Hermann Siebeck, *Geschichte der Psychologie*.] вплоть до XVII века сводится, по сути, к перечню доктрин, так или иначе касающихся души, однако для самой души как объекта исследования в них места так и не нашлось. Каждый мыслитель, казалось, обладал всей полнотой знания о ней как непосредственной данности нашего опыта и посему был убежден в ненужности любого дальнейшего, тем более объективного опыта. Такая позиция совершенно чужда современным умонастроениям, поскольку сегодня мы все полагаем, что для обоснования положения, претендующего на научность, помимо и превыше какой бы то ни было субъективной достоверности, необходим объективный опыт. Несмотря на это, даже сегодня по-прежнему сложно последовательно проводить чисто эмпирический или феноменологический подход в психологии, потому что изначальное наивное представление о том, что душа, будучи непосредственно данной нам в опыте, есть нечто наиболее познанное из всего познаваемого, остается одним из наших наиболее глубоко укорененных убеждений. Такого мнения придерживается не только каждый профан, но и каждый психолог – причем не только применительно к субъекту, но и, что гораздо существеннее, применительно к объекту. Он знает, или, скорее, уверен, что знает о том, что происходит в другом человеке и что тому нужно на самом деле. Это идет скорее не от высокомерного пренебрежения различиями, а от принимаемого по умолчанию допущения, что все люди схожи. В результате мы бессознательно склонны верить в универсальную истинность субъективного мнения. Я упомянул этот факт лишь затем, чтобы показать, что несмотря на все большее распространение эмпиризма в последние три столетия, изначальная установка отнюдь не исчезла. То, что она по сей день существует, лишь подтверждает, насколько сложен переход от старой, философской точки зрения к современной, эмпирической.

Естественно, приверженцы старых взглядов никогда не предполагали, что их доктрины суть не что иное, как психические феномены, поскольку исходили из наивного допущения, что посредством интеллекта, или разума человек способен фактически возвыситься над своим психическим состоянием и перейти в состояние надпсихическое и рациональное. Даже сегодня мало кто готов всерьез обсуждать, нельзя ли, в конечном счете, рассматривать суждения человеческого разума как симптомы определенных психических состояний[3 – В действительности это справедливо только для старой психологии. В настоящее время происходит значительное изменение точки зрения.]. Вопрос этот был бы весьма уместен, однако он чреват столь далеко идущими и революционными последствиями, что вполне объяснимо, почему и в прошлом, и в настоящем его старались во что бы то ни стало обойти. Мы все еще слишком далеки от ницшевского понимания философии и, по сути, теологии как "*ancilla psychologiae*" (Служанка психологии (лат.). – Прим. ред.), поскольку даже психолог не склонен рассматривать свои положения, хотя бы отчасти, как субъективно обусловленное верование. Можно сказать, что индивиды равны лишь в той мере, в какой они бессознательны, то есть не осознают своих действительных различий. Чем более бессознателен человек, тем больше он будет соответствовать общим канонам психического поведения. Однако чем больше он осознает свою индивидуальность, тем более явным будет его отличие от других субъектов, и тем меньше он будет отвечать общепринятым ожиданиям. Более того, его реакции становятся гораздо менее предсказуемыми. Это – следствие того факта, что индивидуальное сознание всегда более высоко дифференцированно и обладает большей широтой. Но чем шире раздвигаются рамки сознания, тем более дифференцированно восприятие и тем более оно свободно от коллективных правил, так как эмпирическая свобода воли растет пропорционально расширению рамок сознания.

По мере развития индивидуальной дифференциации сознания объективная обоснованность его суждений уменьшается и возрастает их субъективность, по крайней мере, в глазах окружающих. Поэтому, чтобы суждение стало обоснованным, оно должно иметь как можно больше ярых приверженцев, независимо от аргументов, выдвигаемых в его защиту. "Истинность" или "обоснованность" обозначают то, во что верит большинство, так как это подтверждает всеобщее равенство. Но дифференцированное сознание уже не

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
принимает как само собой разумеющееся, что его собственные предпосылки так же применимы к другим, и наоборот. Это логически привело к тому, что в XVII столетии – чрезвычайно важном для развития науки – психология начала отпочковываться от философии, и первым, кто заговорил об "эмпирической", или "экспериментальной" психологии, стал Христиан фон Вольф (1679-1754) [4 – *Psychologia empirica* (1732).], заявивший таким образом о необходимости поиска новых оснований психологии. Психология должна была предварять философское рациональное определение истины, потому что становилось все более ясно, что никакая философия не обладает достаточной обоснованностью, чтобы в одинаковой мере отвечать всему разнообразию индивидуальных субъектов. И коль скоро оказалось, что относительно самих принципов философии также возможно неограниченное число различных субъективных суждений, чья обоснованность, в свою очередь, может быть подтверждена лишь субъективно, вполне закономерно возникла необходимость отказаться от философских аргументов, с тем чтобы их место занял опыт. Отныне развитие психологии развернулось в направлении естественных наук.

За время своего существования философия так или иначе сохраняла в своей сфере влияния широкую область "рациональной", или "спекулятивной" психологии, и потребовались столетия, чтобы последняя смогла постепенно развиться в естественную науку. Этот процесс преобразования продолжается и сегодня. Психология как предмет по-прежнему в большинстве университетов преподается под эгидой философского факультета и остается в руках профессиональных философов, в то время как "клиническая" психология все еще находит пристанище на медицинском факультете. Поэтому формально ситуация остается во многом сродни средневековой, так как даже естественные науки признаются только в качестве "Фил. II", под маской естественной философии [5 – В англо-саксонских странах существует степень "Doctor Scienti, а психологи обладают большей независимостью.]. По крайней мере в течение двух последних столетий было вполне очевидно, что философия превышает всего зависит от психологических предпосылок, хотя делалось все возможное, чтобы завуалировать самостоятельность эмпирических наук, пока не стало ясно, что открытие вращения земли и существования спутников Юпитера больше невозможно замалчивать. Но изо всех естественных наук психология в наименьшей степени была способна отстоять свою независимость.

Эта "нерешительность" представляется мне знаменательной. Психология оказалась в положении, сравнимом с положением психической функции, сдерживаемой разумом: только те ее компоненты, которые согласуются с преобладающей тенденцией сознания, получают право на существование. Все, что не согласуется с этой тенденцией, по сути дела, отрицается как несуществующее, вопреки тому факту, что есть множество явлений и симптомов, доказывающих противоположное. Любой человек, знакомый с этими психическими процессами, знает, к каким уловкам и самообману приходится прибегать, чтобы избавиться от таких неудобств. То же самое происходит и с эмпирической психологией: как дисциплина, подчиненная общей философской психологии, экспериментальная психология рассматривается в качестве уступки естественнонаучному эмпиризму, однако облачается при этом в специальную философскую терминологию. Что же касается патопсихологии, то она остается в ведении медицинских факультетов как несуразное приложение к психиатрии. "Клиническая" психология, как и следовало ожидать, не особенно признается в университетах или вовсе не признается [6 – В настоящее время ситуация несколько улучшилась.].

Если я несколько категорично высказываюсь по этому поводу, то лишь затем, чтобы прояснить состояние психологии на переломе XIX и XX веков. Точка зрения Вундта вполне отражает тогдашнюю ситуацию – еще и потому, что из его школы вышел целый ряд замечательных психологов, которые задавали тон в начале XX века. В своих "Очерках по психологии" Вундт говорит: "любой психический элемент, который исчезает из сферы сознания, следует называть бессознательным в том смысле, что мы предполагаем возможность его восстановления, то есть повторного появления в актуальной взаимосвязи психических процессов. Наши знания об элементе, ставшем бессознательным, не простираются дальше этой возможности. "...". Поэтому для психологии он не имеет значения, разве что как предрасположенность к усвоению будущих компонентов. "...". Предположения относительно "бессознательного" состояния или "бессознательных процессов" любого рода "...". совершенно бесплодны для психологии. Конечно, существуют сопутствующие факторы упомянутой психической предрасположенности, некоторые из них можно прямо продемонстрировать, о других можно судить по различным данным нашего опыта" [7 – Пер. С.Н. Judd, pp. 227-28, из *Grundriss der Psychologie*.

"Психическое состояние нельзя рассматривать в качестве психического, пока оно не достигло по крайней мере порога сознания", – вот характерное для представителя школы Вундта суждение. Этот довод предполагает, или, скорее, сводится к утверждению, что только сознательное является психическим, а значит все психическое является сознательным. Автор, как видим, говорит "психическое состояние", логично же было бы сказать "состояние", поскольку, является ли такое состояние психическим, как раз и следует обсудить. Следующий довод гласит: простейшее психическое явление – ощущение, так как оно не разложимо посредством анализа на более простые явления. Следовательно то, что предшествует, или лежит в основании ощущения, ни в коей мере не является психическим, а только физиологическим. Ergo, бессознательного не существует.

И.Ф. Герbart (I.F. Herbart) однажды сказал: "Когда представление [идея] опускается ниже порога сознания, оно продолжает жить в латентном состоянии, будучи постоянно готово пересечь порог и вытеснить другие представления". В такой постановке данное утверждение, вне всяких сомнений, некорректно, поскольку, к сожалению, все истинно забытое вовсе не имеет тенденции снова пересекать порог. Скажи Герbart не "представление", а "комплекс" в современном смысле этого слова, и его утверждение было бы совершенно правильным. Едва ли будет ошибкой предположить, что он действительно подразумевал нечто в этом роде. В этой связи оппонент бессознательного со стороны философии, делает много проясняющее замечание: "Стоит только согласиться с этим, и мы окажемся во власти всевозможных гипотез относительно бессознательной жизни, гипотез, которые невозможно проверить никакими наблюдениями"[8 – Guido Villa, Einleitung in die Psychologie der Gegenwart, p. 339.]. Очевидно, что этот мыслитель не может не замечать фактов, но боязнь столкнуться с трудностями оказывается для него решающей. И каким же образом он знает, что эти гипотезы не могут быть проверены наблюдением? Для него это просто a priori. А наблюдения Гербарта он вовсе не принимает во внимание.

Я упоминаю этот случай не ради его позитивного значения, а лишь потому, что он весьма полно отражает устаревшую философскую точку зрения на эмпирическую психологию. Сам Вундт полагает, что если говорить о "так называемых бессознательных процессах, то речь идет не о бессознательных психических элементах, а только о более смутно осознаваемых", и что "вместо гипотетических бессознательных процессов мы можем подставить фактически наблюдаемые или, по крайней мере, менее гипотетические сознательные процессы"[9 – Wilhelm Wundt, Grundzüge der physiologischen Psychologie, III, p. 327.]. Эта точка зрения подразумевает явное отрицание бессознательного как психологической гипотезы. Случаи "раздвоения сознания" он объясняет как "изменения индивидуального сознания, которые очень часто происходят постепенно и последовательно, но в силу крайне искаженного истолкования фактов они замещаются множественностью индивидуальных сознаний". Последние, поясняет Вундт, "должны якобы одновременно присутствовать в одном и том же индивидуе". Он говорит, что, по общему признанию, это не так. Несомненно, вряд ли возможно, чтобы в одном индивидуе в явственно распознаваемой форме выразились одновременно два сознания. Вот почему эти состояния обычно чередуются. Жане показал, что в то время как одно сознание, так сказать, контролирует голову, другое одновременно сообщает о себе наблюдателю посредством кода, состоящего из выразительной жестикуляции[10 – Pierre Janet, Automatismes psychologiques, pp. 243, 238ff.]. Поэтому вполне возможно двойственное сознание.

Вундт считает, что идея двойственного сознания и, следовательно, "сверхсознания" и "подсознания", в фехнеровском смысле"[11 – Gustav Theodor Fechner, Elemente der Psychophysik, II, p. 438: "...идея психофизического порога... дает прочную основу для идеи бессознательного в общем. Психологи не могут извлечь представления не только из бессознательных восприятий, но даже и из их эффектов".], является "пережитком психологического мистицизма" школы Шеллинга. Его, очевидно, смущают бессознательные представления как то, что никому не "дано"[12 – Ibid., p. 439.]. В таком случае слово "представление" следует, естественно, также изъять из употребления, поскольку оно предполагает субъект, которому нечто предстает или "представляется". Вот основная причина отрицания Вундтом бессознательного. Однако мы можем легко обойти эту трудность, говоря не о "представлениях" или "восприятиях", а о содержаниях, как обычно делаю я. Здесь я должен, забегая несколько вперед, коснуться того факта, что нечто весьма подобное

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
"представимости", или осознанности, действительно применимо к бессознательным содержаниям, так что всерьез встает вопрос о возможности бессознательного субъекта. Однако такой субъект не тождественен эго. То, что главным образом "представления" и были для Вундта его *bete noire* (Черная бестия (фр.) - предмет ненависти, отвращения, антипатии, - Прим. ред.), ясно также из подчеркнутого отрицания им "врожденных идей". Как он относился к этому, видно из следующего: "Если бы новорожденное животное действительно заведомо обладало идеей всех действий, которые оно намерено совершить, какое же богатство предвосхищенного жизненного опыта хранили бы в себе человеческие и животные инстинкты и сколь непостижимым казалось бы то, что не только человек, но и животное также большинство вещей обретает лишь посредством опыта и практики!" [13 - Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, p. 328]. Тем не менее, существует врожденный "паттерн поведения", и именно такая сокровищница жизненного опыта, но не предвосхищенного, а накопленного; только речь идет не о "представлениях", а об эскизах, планах или образах, которые, хотя в действительности и не "предстают" перед эго, однако столь же реальны, как кантова сотня талеров, зашитая в подкладку камзола и забытая владельцем. Вундт мог вспомнить и Христиана фон Вольфа, на коего он сам ссылается, и его разграничения, касающиеся "бессознательных" состояний, которые "можно вывести только из того, что мы обнаруживаем в нашем сознании" [14 - Ibid., p. 326. Цит. из Wolfs Vernunftige Gedanken von Gott, der Welt, und der Seek des Menschen (1719), par. 193.].

К категории врожденных идей принадлежат также "элементарные идеи" [15 - Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen и Der mensch in der Geschichte, I, pp. 166ff., 213ff.; II, pp. 241ff.] Адольфа Бастиана, под которыми мы должны понимать фундаментально сходные формы восприятия, обнаруживаемые у всех, а, значит, примерно то, что нам известно сегодня как "архетипы". Вундт, конечно же, отвергает это понятие, ошибочно полагая, что здесь он имеет дело с "представлениями", а не со "склонностями". Он говорит: "Нельзя полностью исключать возможность возникновения одного и того же явления в разных местах, однако с точки зрения эмпирической психологии это в высшей степени маловероятно" [16 - Volkerpsychologie, V, Part II, p. 45.]. Он отрицает "общее психическое наследие человечества" в таком понимании и отвергает саму идею умопостигаемого символизма мифов, делая при этом характерное заявление, дескать, предположение о "системе идей", скрывающейся за мифом, просто невозможно [17 - Ibid., IV, Part I, p. 41.]. Прямолинейное представление о том, что бессознательное есть (это надо же!) система идей, не выдерживало критики даже во времена Вундта, не говоря уже о временах предшествующих или последующих.

Было бы некорректно предполагать, что отказ академической психологии от идеи бессознательного на рубеже столетий был чуть ли не универсальным. Отнюдь не так: поскольку Фехнер [18 - Ср. с замечанием Фехнера, что "идея психологического порога является крайне важной, так как она подводит твердую основу под идею бессознательного в целом". Он продолжает: "Восприятие и представления в бессознательном состоянии, конечно, прекращают существование в качестве реальных... однако иногда остаются внутри нас в виде психофизической активности", и т.д. (II, p. 438 ff.) Этот вывод слегка неосмотрителен, поскольку психические процессы остаются в большей или меньшей степени теми же самыми, не зависимо от того, существует сознание или нет. "Представление" существует не только посредством своей "представимости", а также - и это главное - по своему собственному психическому праву.], а вслед за ним и Теодор Липпс придавали бессознательному решающее значение [19 - Ср. Lipps, "Der Begriff des Unbewussten", pp. 146ff; и Grundtatsachen des Seelenlebens, pp. 125ff.]. Хотя для Липпса психология и является "наукой о сознании", он, тем не менее, говорит о "бессознательных" восприятиях и представлениях, рассматривая их как процессы. "Природа или, точнее, объяснение "психического" процесса состоит не столько в сознательном содержании или сознательном опыте, сколько в психической реальности, которая должна с необходимостью предполагаться в основе существования подобного процесса" [20 - Leitfaden der Psychologie, p. 64.]. "Наблюдения над сознательной жизнью убеждают нас не только в том, что существуют бессознательные восприятия и представления "... которые временами должны обнаруживаться в нас, но в том, что психическая жизнь большую часть времени протекает именно в такой форме, и лишь иногда, в особые моменты, сей фактор внутри нас действительно обнаруживает свое присутствие непосредственно, в соответствующих образах" [21 - Ibid., pp. 65f.]. "Таким образом, психическая жизнь всегда выходит далеко за пределы того, что находится или может присутствовать в

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
нас в форме сознательных содержаний или образов".

Замечания Теодора Липпса нисколько не противоречат нашим современным взглядам, напротив, они образуют теоретические основы психологии бессознательного в целом. Однако и после него еще долго сохранялось неприятие гипотезы о бессознательном. Например, весьма характерно, что Макс Дезуар (Dessoir) в своей книге по истории современной немецкой психологии [22 – Geschichte der neueren deutschen Psychologie. [Выделено К. Юнгом].] даже не упоминает К. Г. Каруса и Эдуарда фон Гартмана (Hartmann).

2. Значение бессознательного в психологии

Гипотеза о бессознательном вслед за идеей психе поднимает огромную проблему. Душа, которая доселе постулировалась философской мыслью и наделялась всеми необходимыми качествами, казалось, готова, выйдя из своего кокона, явить себя как нечто, обладающее свойствами, неизведанными и неожиданными. Она уже не представлялась чем-то доступным непосредственному знанию, не оставляющим места для новых поисков, за исключением нескольких более или менее удовлетворительных определений. Вернее, теперь она предстала в странно двойственном облике, как сущность, одновременно известная и неизвестная. В результате старая психология была поколеблена в своих основаниях и претерпела революционные преобразования [23 – Я воспроизвожу здесь то, что Уильям Джеймс сказал о важности открытия бессознательной психе: "Самым значительным и важным шагом вперед, совершенным психологией с тех пор, как я еще в студенческие годы занялся изучением ее, я считаю сделанное впервые в 1886 году открытие, что – по крайней мере у некоторых людей, – сознание не ограничивается обыкновенным "полем", с его "центром" и "окраинами", но охватывает еще целый ряд воспоминания, мыслей, ощущений, которые находятся совершенно за пределами основного сознания и тем не менее должны быть признаны своеобразными фактами сознания, обнаруживающими свое существование несомненными признаками. Я считаю это открытие важнейшим из завоеваний психологии, потому что оно открыло перед нами совершенно неожиданные свойства душевной организации человека. Никакое другое психологическое открытие не может сравниться с этим по глубине своего значения" в книге: Уильям Джеймс, Многообразие религиозного опыта, СПб: Андреев и сыновья, 1993, сс. 189-190. Открытие 1886 г., на которое ссылается Джеймс, это постановка проблемы "сублиминального сознания" Фредериком В.Х. Майером. См. пр. 47 ниже.] в той же мере, что и классическая физика под влиянием открытия радиоактивности. Этим первым адептам экспериментальной психологии пришлось столкнуться с такими же трудностями, как и мифическому первооткрывателю числового ряда, который складывал горошины, просто прибавляя одну за другой. Когда он созерцал полученный результат, казалось, здесь нет ничего, кроме сотни одинаковых единиц; но их порядковые номера, которые он считал просто-напросто именами, неожиданно оказались особыми сущностями с нередуцируемыми свойствами. Были например, четные, нечетные и простые числа; положительные, отрицательные, иррациональные, мнимые и т.д. [24 – Математик однажды заметил, что все в науке было создано человеком, за исключением чисел, которые Бог создал сам.] То же и с психологией: если душа – это действительно только идея, то идея эта окутана тревожной атмосферой непредсказуемости – как нечто, обладающее свойствами, которых никто не в силах вообразить. Можно и дальше утверждать, что психе – это сознание и его содержания, но это отнюдь не препятствует, а фактически подталкивает нас к открытию ранее не предполагаемой основы, подлинной матрицы всех сознательных явлений, предсознательного и постсознательного, сверхсознательного и подсознательного. В момент, когда у нас формируется представление о чем-то и нам удается постичь один из его аспектов, мы неизменно поддаемся иллюзии постижения целого. Нам никогда не приходит в голову, что понятие общего верно, исходя из поставленного вопроса. Даже идея, полагаемая как всеохватывающая, не является таковой, поскольку перед нами по-прежнему вещь в себе с непредсказуемыми качествами. Этот самообман определенно вселяет мир в наши души: неведомое получает имя, далекое становится близким, словно до него лишь рукой подать. Теперь мы распоряжаемся им, оно становится нашей неотчуждаемой собственностью, как убитая дикая тварь, которая отныне уже не сможет от нас убежать. Это магическая процедура, какую первобытный человек совершает над тем или иным природным объектом, а психолог – над психе. Он уже не находится в ее

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
власти, но никак не подозревает, что сам факт овладения объектом концептуально дает бесценную возможность обнаружить все те качества, которые, возможно, никогда не явили бы себя, если бы этот объект не был заключен в понятие (вспомните числовой ряд!).

Все попытки постичь сущность психе, предпринимавшиеся в течение трех последних столетий, были неотъемлемой частью колоссальной экспансии знания, потрясающим образом приблизившей к нам вселенную. Тысячекратное увеличение масштабов, ставшее доступным благодаря электронному микроскопу, достойно соперничает с путешествиями посредством телескопа на расстояния в 500 миллионов световых лет. Психология же по-прежнему далека от того уровня, какого достигли другие естественные науки; и, кроме того, она, как мы убедились, гораздо меньше была способна избавиться от пут философии. В то же время, каждая наука является функцией психе, из нее проистекают все знания. Психе представляет собой величайшее из чудес света и *sine qua non* (*Conditio sine qua non* (лат.) – непереносимое условие. – Прим. ред.) мира как объекта. И в высшей степени удивительно, что западный человек, за очень немногими, по сути, считанными исключениями, явно не придает значения этому факту. Под спудом знаний о внешних объектах сам субъект всякого знания постепенно исчез из виду, как будто его вовсе не существует.

Душа подразумевалась по умолчанию как нечто, казалось бы, известное во всех деталях. С открытием возможной бессознательной области психики человек получил удобный случай ринуться в великое странствие духа, и следовало ожидать, что эта возможность привлечет к себе жгучий интерес. Однако ничего подобного не произошло, и более того, со всех сторон стали раздаваться бурные возражения против такой гипотезы. Никто не пришел к выводу, что если субъект знания, психе, является скрытой формой существования, непосредственно не доступной сознанию, значит, все наши знания должны быть неполными, причем нам не дано знать, до какой степени. Это ставило под сомнение достоверность осознанного знания иным и куда более беспощадным образом, чем любые процедуры эпистемологической критики. Эпистемология полагала определенные границы человеческому познанию в целом, которые немецкий идеализм посткантовского толка пытался преодолеть; однако естественные науки и здравый смысл без особого труда к ним приспособивались, если вообще удосуживались их замечать. Философия сражалась против них во имя застарелых претензий человеческого разума на то, что он способен без посторонней помощи вытянуть себя за волосы из трясины и знать достоверно то, что находится за пределами человеческого понимания. Когда Гегель восторжествовал над Кантом, это нанесло весомый удар разуму [то есть здравому смыслу] и всему дальнейшему развитию немецкой и, к сожалению, европейской мысли, – удар, тем более губительный, поскольку Гегель был, хотя и неявно, психологом, проецирующим великие истины из области субъективного на космос, который он сам же создал. Мы знаем, насколько далеко сегодня простирается влияние Гегеля. Силы, компенсирующие такое пагубное положение дел, персонифицировались отчасти в позднем Шеллинге, отчасти в Шопенгауэре и Карусе, и в то же время тот необузданный "дионисийский (вакхический) Бог", присутствие которого уже Гегель почуял в природе, ошеломительным образом предстал наконец перед нами у Ницше.

Гипотеза Каруса о бессознательном должна была отвечать тенденциям, преобладавшим тогда в немецкой философии, тем более, что последняя явно вполне усвоила все лучшее из кантовского критицизма и восстановила, точнее, возвела в прежний статус почти божественное верховенство человеческого духа – Духа с большой буквы. Дух средневекового человека оставался, в радости и в горе, духом Бога, которому он служил. Эпистемологический критицизм, с одной стороны, выражал смирение средневекового человека, а с другой – отказ, или отречение от духа Божьего и, как следствие, расширение и утверждение человеческого сознания в границах разума. Везде, где дух Божий вытесняется из наших человеческих помыслов, его место занимает бессознательный субститут. У Шопенгауэра мы обнаруживаем бессознательную Волю в качестве новой дефиниции Бога, у Каруса – собственно бессознательное, а у Гегеля – инфляцию и практическое отождествление философского разума с Духом, раздвигающее границы разума, фактически приравнивая его к Духу, что делает возможным умозрительное жонглирование объектом, достигающее потрясающей изощренности в его философии государства. Гегель предложил решение проблемы, поднятой эпистемологическим критицизмом, дав возможность идеям доказать свою неведомую автономную силу. Это они пробудили ту самую *hybris* (Гордыня, высокомерие (греч.)). – Прим. ред.) разума, которая вела к появлению ницшевского сверхчеловека и, далее, к катастрофе, имя которой – Германия. Не только люди искусства, но и философы

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
иной раз становятся пророками.

Я думаю, вполне очевидно, что все философские положения, выходящие за границы разума, антропоморфны и лишены какой бы то ни было обоснованности, помимо той, что присуща собственно психологически обусловленным утверждениям. Философия, подобная гегелевской, является самооткровением психических предпосылок, а в философском смысле – предположением. Психологически это равнозначно вторжению бессознательного. Своеобразный высокопарный язык Гегеля лишь подтверждает такое мнение: он напоминает выдающий манию величия язык шизофреников, которые прибегают к завораживающе чудовищным словам, чтобы свести трансцендентное к субъективной форме, придать банальному пленительность новизны, представить общие места как глубины мудрости. Такая терминология – симптом, свидетельствующий о бессилии, скудости ума и пустоте. Однако это не мешает новейшей немецкой философии использовать все те же умопомрачительные слова-заклинания и делать вид, что это не безотчетная психология.

Перед лицом этого стихийного вторжения бессознательного в сферу разума западного человека Шопенгауэр и Карус не имели достаточно прочной опоры, чтобы компенсаторная сила их идей получила развитие и приложение. Шопенгауэр так и не разрушил – во всяком случае, принципиально – спасительное смирение человека перед Божьей милостью и санитарный кордон между ним и демоном тьмы, великое наследие прошлого, тогда как Карус вообще едва ли затронул эту проблему, поскольку он пытался решить ее в корне, переместив точку зрения от крайне самонадеянного философского подхода к психологическому. Следует закрыть глаза на его философские уловки, если мы хотим во всей полноте оценить его, в сущности психологическую гипотезу. По меньшей мере он сделал шаг к тому выводу, о котором мы говорили ранее, поскольку попытался построить картину мира, включающую темную сторону души. Впрочем, этому строению недоставало чего-то беспрецедентно важного, что я хотел бы донести до читателя.

Для этого мы должны прежде всего уяснить, что всякое знание – результат наложения некоего порядка на реакции психической системы, проникающие в наше сознание, – порядка, отражающего характер метафизической реальности – реальности в себе. Если, согласно также и некоторым ныне бытующим точкам зрения, психическая система совпадает и попросту идентична нашему сознанию, тогда мы, в принципе, способны знать все, что может быть познано, то есть все, что охватывают рамки теории познания. В таком случае нам больше не о чем беспокоиться, кроме того, что должно занимать анатомов и физиологов, наблюдающих за функцией глаза или органов слуха. Но если окажется, что психе не совпадает с сознанием и, более того, функционирует бессознательно подобным или же иным, чем ее сознательная область, образом, тогда нам следует основательно призадуматься. Ибо тогда речь идет уже не об общих эпистемологических ограничениях, а о незримом пороге, отделяющем нас от бессознательного содержания психе. Гипотеза о пороге и о бессознательном означает, что необходимый исходный материал всякого знания – а именно психические реакции, а также, возможно, бессознательные "мысли" и "озарения" – лежит совсем рядом, "над" или "под" сознанием, всего-навсего по ту сторону "порога", оставаясь, однако, недостижимым. Нам неизвестно, как функционирует это бессознательное, но поскольку, по нашим предположениям, оно должно представлять собой психическую систему, то вполне вероятно, что оно обладает теми же атрибутами, что и сознание, включая восприятие, апперцепцию, память, воображение, волю, эмоции, чувства, рефлексию, способность суждения и т.д., причем все в подсознательной форме[25 – G.H. Lewes в The Physical Basis of Mind считает все это само собой разумеющимся, например, на с. 358 он говорит: "Ощущения проявляются с различными уровнями и в различных видах, таких, как восприятие, фантазия, эмоция, желание, которые могут быть сознательными, подсознательными или бессознательными". На с. 363: "Сознание и бессознательное коррелированы, оба относятся к способности Ощущать. Каждое проявление бессознательного процесса управляет, изменяет общее состояние организма и способно однажды завершиться в умении распознать ощущение, когда сила, балансирующая его, выходит из равновесия". На с. 367: "Существует много произвольных действий, часть из которых мы находим сознательными, и много произвольных действий, среди которых раз за разом мы обнаруживаем подсознательные и бессознательные... Так же, как и мысль, которая однажды появляется бессознательно, в другой раз – сознательно, оставаясь все время той же самой мыслью... поэтому действие, в один момент – произвольное, а в другой – произвольное, является тем же самым действием." Льюис определенно забегает слишком далеко, когда говорит (с. 373): "Не существует реального и существенного различия между

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
произвольными и произвольными действиями". Иногда существует мир из различий.] .

Здесь мы сталкиваемся с возражением Вундта, что невозможно, дескать, говорить о бессознательном "восприятии", "представлении", "чувстве" и еще в меньшей степени о "волевом акте", принимая во внимание, что ни одно из этих явлений не мыслимо без переживающего субъекта. Более того, идея порога предполагает способ наблюдения, определяемый в терминах энергии и, исходя из этого, осознание психических содержаний существенно зависит от их интенсивности, то есть от энергии. Поскольку лишь при определенной интенсивности тот или иной стимул в силах преодолеть порог, постольку мы можем не без оснований утверждать, что и другие психические содержания, чтобы преодолеть его, точно так же должны обладать более высоким энергетическим потенциалом. Обладая слишком малой энергией, они остаются подсознательными, подобно соответствующим чувственным восприятиям.

Первое возражение, на что уже указывал Липпс, снимается в силу того факта, что психический процесс остается существенно тем же, "представляется он" или "нет". Всякий, кто придерживается мнения, согласно которому вся психе исчерпывается феноменами сознания, должен сделать следующий шаг и сказать, что "представления, которые нам не даны"[26 - Fehner, II, pp. 438ff.], вряд ли можно рассматривать как "представления". Он должен также отрицать какое бы то ни было психическое качество во всем остальном. Строго говоря, с такой точки зрения психе может обладать лишь призрачным существованием, как и подобает эфемерным феноменам сознания. Эти взгляды не согласуются с повседневным опытом, который свидетельствует о том, что психическая активность возможна и в отсутствие сознания. Идея Липпса о существовании психических процессов *an sich* (в себе (нем.)). - Прим. ред.) в большей мере отдает должное фактам. Я бы не хотел терять время, доказывая это, но, как по мне, достаточно сказать, что любой здравомыслящий человек ни на минуту не усомнится в наличии психических процессов у собаки, хотя ни одна собака, насколько мы знаем, никогда сознательно не выражала содержания своей психики[27 - я не принимаю во внимание "Ловкого Ганса" [но ср. D. Katz, *Animals and Men*, 13ff. - Изд.] и собаку, которая говорила о "изначальной душе] .

3. Диссоциативность психе

Нет априорных оснований предполагать, что у бессознательных процессов непременно должен быть некий субъект, во всяком случае, не больше, чем подвергать сомнению реальность психических процессов. По общему признанию, проблема усложняется, когда мы предполагаем бессознательные волевые акты. Если здесь дело не совсем в "инстинктах" и "склонностях", а скорее в обдуманном "выборе" и "решении", то нельзя просто так отмахнуться от необходимости контролирующего субъекта, которому нечто "представляется". Но это, по определению, означало бы привнесение сознания в бессознательное; впрочем, это умозрительная операция, не представляющая особой сложности для патопсихолога. Ему знакомо психическое явление, которое, похоже, вовсе неизвестно "академической" психологии, а именно диссоциация, или диссоциативность психе. Эта особенность проистекает из того факта, что связь между самими психическими процессами весьма условна. Подчас не только бессознательные процессы оказываются удивительным образом не зависящими от осознанного опыта, но и сознательные процессы также демонстрируют явную несвязность, или дискретность. Всем нам известны порождаемые комплексами нелепости, с величайшей точностью наблюдаемые в ассоциативном эксперименте. Раз уж действительно встречаются случаи двойственного сознания, подвергаемые сомнению Вундтом, то случаи, когда не личность в целом расщепляется на две, а лишь откалываются малые ее фрагменты, следует и подавно признать как более вероятные и фактически более обыденные. Это - многовековой опыт человечества, нашедший отражение в универсальном представлении о присутствии множества душ в одном и том же индивиде. Как показывает множественность психических компонентов на примитивном уровне, в изначальном состоянии психические процессы очень слабо связаны и отнюдь не образуют самостоятельное единство. Более того, психиатрический опыт свидетельствует, что нередко требуется совсем немного, чтобы разрушить единство сознания, столь многотрудно возводившееся в ходе развития, и разложить его снова до первоначальных элементов.

Эта диссоциативность позволяет нам также обойти те трудности, которые

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
проистекают из логически необходимого допущения о пороге сознания. Коль скоро верно, что с потерей энергии сознательные содержания становятся подсознательными, а значит – бессознательными, и наоборот – с приращением энергии бессознательные процессы становятся сознательными, тогда для того, чтобы бессознательные волевые акты были возможны, они должны обладать энергией, позволяющей им достичь сознания или, по крайней мере, состояния вторичного сознания, состоящего в том, что бессознательный процесс "представляется" подсознательному субъекту, который осуществляет выбор и принимает решения. Этот процесс с необходимостью должен обладать энергией, требуемой для того, чтобы он достиг такого сознания; другими словами, в конечном счете он должен достичь "точки прорыва"[28 – Джемс, Многообразие религиозного опыта, Спб: Андреев и Сыновья, 1993, с. 188.]. Если это так, то возникает вопрос, почему бессознательный процесс не проходит прямо через порог, с тем чтобы стать доступным восприятию эго. Поскольку он явно не достигает этого, а, по всей видимости, остается приостановленным в сфере подсознательного вторичного субъекта, нам следует теперь объяснить, почему этот субъект, который ex hypothesi (Предположительно (лат.)) – Прим. перев.) наделен достаточной энергией, чтобы стать сознательным, не прорывается, в свою очередь, через порог и не находит путь к первичному эго-сознанию. Патопсихология располагает материалом, позволяющим дать ответ на этот вопрос. Это вторичное сознание представляет собой личностный компонент, который обособился от эго-сознания отнюдь не случайно, а в силу определенных причин. Такое разделение, диссоциация, имеет два явственно различимых аспекта: в одном случае речь идет об изначально осознанном содержании, ставшем подсознательным, так как оно было вытеснено как неприемлемое; в другом случае вторичный субъект, по существу, представляет собой некий процесс, вообще никогда не проникавший в сознание, поскольку восприятие его сознанием невозможно. Скажем так, эго-сознанию недостает понимания, чтобы принять его и, как следствие, он остается по большей части подсознательным, хотя по своей энергии вполне мог бы стать осознанным. Существование такого субъекта обусловлено не подавлением, а подсознательными процессами, которые сами по себе никогда не были осознанными. Однако, поскольку в обоих случаях имеется достаточно энергии, чтобы сделать его потенциально сознательным, вторичный субъект действительно оказывает влияние на эго-сознание – непрямо, или как мы говорим, "символически", хотя выражается это не особо приятным образом. Суть в том, что содержания, возникающие в сознании, прежде всего симптоматичны. Поскольку нам известно (или кажется, что известно), к чему они относятся или на чем основаны, постольку это семиотические содержания, – даже если во фрейдистской литературе постоянно употребляется термин "символическое", невзирая на то, что на самом деле символы всегда выражают нечто, чего мы не знаем. Отчасти симптоматические содержания поистине символичны, будучи непрямо репрезентацией бессознательных состояний или процессов, о чьей природе можно лишь приблизительно судить по тем содержаниям, которые всплывают в сознании. Поэтому вполне возможно, что в бессознательном откладываются содержания с таким уровнем энергии, что при других условиях они могли бы осуществить скачок и стать достоянием эго. В большинстве случаев это вовсе не подавляемые содержания, а просто те, что еще не осознаны, то есть не были субъективно осмыслены, подобно демонам или богам первобытных народов, или всяческим "измам", в которые столь фанатично верит современный человек. Такое состояние ни в коей степени не является ни патологическим, ни даже в чем-то особенным; напротив, это – изначальная норма, так как психическая целостность, постигаемая в единстве сознания, представляет собой идеальную цель, еще никем и никогда не достигнутой.

Мы не без оснований соотносим сознание с сенсорной функцией, психологическая природа которой лежит в основании идеи "порога". Диапазон частоты звука, воспринимаемого человеческим ухом, – от 20 до 20000 колебаний в секунду; диапазон длины волны света, видимого глазом, – от 7700 до 3900 ангстрем. Эта аналогия позволяет уяснить, что для психических событий существует как нижний, так и верхний порог и что сознание – как воспринимающая система *par excellence* (Преимущественно, прежде всего. – Прим. перев.) – может быть, поэтому, сопоставимо со шкалой восприятия звука и света, в том смысле, что оно, подобно ей, имеет верхний и нижний предел. Возможно, это сравнение распространяется и на психе в целом, что отнюдь не исключено, если существуют психоидные (*Psychoide* – букв.: подобные психическим. – Прим. ред.) процессы, относящиеся к обоим концам шкалы. В соответствии с принципом *natura non facit saltus* (Природа не делает скачков (т.е. непрерывна) (лат.)). – Прим. перев.), такая гипотеза в целом будет вполне уместна.

Употребляя термин "психоидный", я отдаю себе отчет в том, что он вступает в противоречие с однокоренным понятием, постулированным Дришем (Driesch). Под "психоидом" (psychoide) он понимает направляющее начало, "определяющий фактор реакции" (reaction determinant), "потенцию будущего действия" (prospective potency) в зачаточном состоянии. Это "основополагающий фактор, раскрывающийся в действии"[29 - Hans A.E. Driesch, *The Science and Philosophy of the Organism*, 1929, p. 221.], "энтелехия реального действия"[30 - *Ibid.*, p. 281.]. Как справедливо заметил Ойген Блейлер, понятие Дриша скорее философское, чем научное. Блейлер, в свою очередь, использовал выражение "die Psychoide" как обобщающий термин, главным образом, применительно к подкорковым процессам постольку, поскольку они связаны с биологическими "адаптивными функциями"[31 - В *Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung*, p. 11. Происходит от Psyche = "подобный душе"]. В этом ряду Блейлер рассматривает "рефлексы и эволюцию видов". Он дает следующее определение: "Psychoide - это совокупность всех функций тела и центральной нервной системы, направленных на целеполагание, запоминание и сохранение жизни, кроме тех функций коры головного мозга, которые мы привыкли рассматривать в качестве психических"[32 - *Ibid.*, p. 11.]. В другом месте он говорит: "Онтогенетическая психика индивида и филогенетическая психика образуют единство, которое, исходя из целей данного исследования, можно наиболее приемлемым образом обозначить термином Psychoide. Общим для Psychoide и психики является "... способность к волевому действию и использование предшествующего опыта "... для достижения цели. Сюда следует отнести память (engraphy и eosphoria) (Врожденную и благоприобретенную. - Прим. перев.) и ассоциации, то есть нечто, подобное мышлению"[33 - *Ibid.*, p. 33]. Казалось бы, понятно, что подразумевается под "Psychoide", но на самом деле ее часто путают с "психе", как можно судить по приведенному выше фрагменту. Однако вовсе неясно, почему подкорковые функции, которые это понятие, согласно предположению, обозначает, должны рассматриваться как "квазипсихические". Путаница, очевидно, происходит из органофизиологического подхода, еще дающего о себе знать у Блейлера, который оперирует понятиями наподобие "кортикальной души" или "медулярной души" и явно склонен считать соответствующие психические функции производными от этих областей мозга, хотя именно функция создает соответствующий ей орган, использует его или модифицирует. Органофизиологическому подходу присущ тот недостаток, что вся целенаправленная активность, свойственная живой материи, в конечном счете рассматривается как "психическая", а в результате "жизнь" и "психе" отождествляются, как у Блейлера, если судить по его употреблению терминов "филогенетическая психе" и "рефлексы". Чрезвычайно трудно, если вообще возможно, помыслить себе психическую функцию независимо от соответствующего органа, хотя в действительности мы переживаем психические процессы безотносительно к их органическому субстрату. Для психолога, однако, как раз единство этих переживаний и составляет объект исследования, и поэтому мы должны отказаться от терминологии, заимствованной у анатомов. Если я использую термин "психоидное"[34 - я могу воспользоваться словом "психоидное" целиком законно, потому что, хотя использованный мной термин заимствован из отличной области восприятия, оно, тем не менее, грубо описывает ту же самую группу явлений, которую подразумевал Блейлер. А. Busemann в своей книге *Die Einheit der Psychologie* (p. 31) называет эту недифференцированную психе "микрпсихикой".], то только с тремя оговорками: во-первых, я употребляю его в качестве прилагательного, а не существительного; во-вторых, при этом не подразумевается какое бы то ни было психическое качество в собственном смысле слова, а только нечто квазипсихическое, в таком же смысле, как и у словосочетания "рефлективные процессы"; в-третьих, этот термин необходим, чтобы отграничить то, что относится к разряду событий, от просто витальных феноменов, с одной стороны, и от специфически психических процессов - с другой. Последнее разграничение обязывает нас более точно определить природу и пределы психе и, в частности, бессознательной психе.

Если бессознательное может содержать все, что, как известно, является функцией сознания, тогда следует признать возможность того, что оно также, подобно сознанию, обладает субъектом, своего рода эго. Это заключение находит выражение в общепризнанном и непрестанно повторяющемся употреблении термина "подсознание". Последний термин определенно дает повод для неправильного истолкования, так как он либо означает нечто, залегающее "под сознанием", либо постулирует "низшее" и вторичное сознание. В то же время это гипотетическое "подсознание", которое тут же ассоциируется со "сверхсознанием"[35 - Особенно возражают против использования термина "сверхсознание" те, кто попал под влияние индийской философии. Они обычно недопонимают, что их возражение распространяется только на гипотезу о

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
"подсознании"; этот двусмысленный термин я избегаю использовать. С другой стороны, моя концепция бессознательного оставляет вопрос "выше" и "ниже" полностью открытым, так как она охватывает оба аспекта психе.], выявляет настоящий предмет нашего обсуждения, а именно тот факт, что вторая психическая система, сосуществующая с сознанием, – не важно, какими качествами мы ее, предположительно, наделяем, – имеет в высшей степени революционное значение, поскольку это способно радикальным образом изменить нашу картину мира. Даже если бы речь шла о перенесении в эго-сознание одних лишь восприятий, осуществляющихся в этой второй психической системе, мы получили бы возможность невероятного расширения границ нашего ментального горизонта.

Когда скоро мы всерьез рассматриваем гипотезу о бессознательном, следует сделать вывод, что наша картина мира не может иметь законченный характер; ибо, если мы привносим столь радикальные изменения в субъект восприятия и познания, как предполагает дуальный фокус, мы должны прийти к видению мира, весьма отличному от всего, что мы знали ранее. Это верно только в том случае, если верна гипотеза о бессознательном, что, в свою очередь, можно проверить, если только бессознательные содержания можно превратить в осознанные – если, так сказать, раздражители, идущие от бессознательного, то есть все, в чем выражаются спонтанные проявления, сновидения, фантазии и комплексы, могут быть успешно интегрированы в сознание посредством метода толкования.

4. ИНСТИНКТ И ВОЛЯ

Если на протяжении всего XIX столетия главная задача заключалась в подведении под концепцию бессознательного философского основания [36 – См. в частности Eduard von Hartmann, *Philosophie des Unbewussten* (1869).], то на исходе века в разных концах Европы, более или менее одновременно и независимо одна от другой, стали предприниматься всевозможные попытки постичь бессознательное экспериментально, или эмпирически. Пионерами в этой области были Пьер Жане [37 – Оценку его работ можно найти в Jean Paulus, *Le Probleme de l'hallucination et revolution de la psychologie d'Esquirol a Pierre Janet.*] во Франции и Зигмунд Фрейд [38 – В этой связи мы должны также упомянуть значительного швейцарского психолога Theodore Flournoy и его главный труд *Des Indes a la Planete Mars* (1900). Другой пионер W.B. Carpenter (*Principles of Mental Physiology*, 1874) и G.H. Lewes (*Problems of Life and Mind*, 1873–79). О Frederic W.H. Myers см. пп. 23 и 47.] в старой Австрии. Жане заслужил известность своими исследованиями формального аспекта бессознательного, Фрейд – проникновением в содержание психогенных симптомов.

Поскольку здесь не место детально описывать преобразование бессознательных содержаний в сознательные, я буду вынужден удовлетвориться краткими замечаниями. Прежде всего, структура психогенных симптомов была успешно объяснена на основе гипотезы о бессознательных процессах. Начав с симптомологии неврозов, Фрейд разработал также убедительные доводы относительно сновидений как передатчиков бессознательных содержаний. То, что он выделил в качестве содержаний бессознательного, казалось, на первый взгляд, состоящим из элементов, личностных по природе, вполне подвластных сознанию и, посему, бывших осознанными при других условиях. Он полагал, что они претерпели "подавление" по причине их несовместимости с моралью. Следовательно, подобно забытым содержаниям, они были некогда осознаны, но затем вытеснены в подсознание, и в той или иной степени не поддаются восстановлению в силу противодействия сознательных установок. При условии надлежащей концентрации внимания, и если всецело отдаться потоку ассоциаций, – то есть благодаря подсказкам, сохранившимся в сознании, – происходит ассоциативное восстановление утраченных содержаний, как в случае применения мнемотехники. Но если забытые содержания не всплывают в памяти, поскольку они ниже порогового уровня, то подавляемые содержания относительно невозможны из-за контроля со стороны сознания.

Это открытие логически вело к толкованию бессознательного как феномена подавления, понимаемого в личностном смысле. Содержаниями бессознательного в таком понимании являются утраченные фрагменты, которые некогда были осознанными. Позднее Фрейд признал существование сохраняющихся архаических следов в форме примитивных моделей функционирования, хотя и они объяснялись в личностных терминах. С такой точки зрения бессознательная психе

Содержания, которые Фрейд пробуждал в сознании, было легче всего восстановить, потому что они поддавались осознанию и изначально были сознательными. Единственное, что они доказывают применительно к бессознательной психе, это существование психического "чистилища" где-то за пределами сознания. Это почти ничего не говорило бы нам о природе бессознательной психе, если бы не существовало бесспорной связи между этими содержаниями и инстинктивной сферой. Мы представляем себе последнюю как область физиологических явлений, как эндокринную функцию. Современная теория внутренней секреции и гормонов дает весомые основания для такой точки зрения. Однако теория человеческих инстинктов оказывается в незначительной роли, поскольку необычайно трудно не только дать чисто концептуальное определение инстинктов, но и установить их число и границы[39 - Эта неопределенность и неясность инстинктов, как показал Марais в экспериментах с обезьянами (The Soul of the White Ant, p. 429), может оказывать влияние на стоящую выше изучающую способность, господствующую над инстинктами, как это очевидно и в случае с человеком. По вопросу инстинктов см. L.Szondi, Experimentelle Trieb-diagnostik and Triebpathologie.]. Мнения на этот счет расходятся. Все, что можно утверждать с какой-то долей определенности, сводится к тому, что инстинкты имеют физиологический и психологический аспекты[40 - "Инстинкты имеют психологический и психический характер, который... заставляет организм двигаться в четко определенном направлении" (W. Jerusalem, Lehrbuch der Psychologie, p. 188). С другой точки зрения (Oswald Kulpe) инстинкты рассматриваются как "сплав чувства и органа ощущения" (Outlines of Psychology, p.322, modified).]. Весьма полезна для описательных целей точка зрения П. Жане относительно "partie superieure et inferieure d'une fonction"[41 - Les Nevroses, pp. 384ff.] (Здесь: высшая и низшая составляющие функции (фр.). - Прим. перев.).

Тот факт, что все психические процессы, доступные нашему наблюдению и опыту, каким-то образом связаны с органическим субстратом, указывает на то, что они вплетены в жизнь организма как целого, и участвуют в активности - другими словами, они должны играть определенную роль в инстинктах или же быть в некотором смысле результатом их действия. Отсюда отнюдь не следует, что происхождение психе можно вывести исключительно из инстинктивной сферы, а, значит, - из ее органического субстрата. Психе как таковую нельзя объяснить в терминах физиологической химии, хотя бы потому, что, наряду с самой "жизнью", она является единственным "природным фактором", способным превращать статистическую форму организации, подчиняющуюся законам природы, в "высшие" или "неприродные" формы, вопреки законам энтропии, действующим в царстве неорганической материи. Как жизнь создает сложные органические системы из неорганических, мы не знаем, хотя нам доступно непосредственное переживание того, как это делает психе. Жизни, таким образом, присущи особые законы, которые не могут быть выведены из физических законов природы. При этом психе в какой-то мере зависит от процессов, протекающих в органическом субстрате. Во всяком случае, это в высшей степени вероятно. Инстинктивное начало управляет *partie inferieure* функции, тогда как *partie superieure* соотносится с преимущественно "психическим" компонентом. *Partie inferieure* оказывается относительно неизменной, произвольной составляющей функции, а *partie superieure* - ее подчиняющаяся воле и поддающаяся изменению составляющая[42 - Жане говорит (p. 384): "По-видимому, мы должны различать в каждой функции низшую и высшую части. Когда функция использовалась продолжительное время, она содержит древние образования, которые функционируют очень свободно и представляются совершенно особыми и специализированными органами... Это - низшие части функции. Однако, по моему мнению, именно в каждой функции существуют высшие части, суть которых состоит в функциональной адаптации к более новому и значительно менее привычному ощущению, и представляются органами, дифференцированными в заметно меньшей степени". Но высшая часть функции состоит в "ее адаптации к конкретному окружению настоящего момента, момента, в котором мы должны использовать ее".].

Возникает вопрос: когда мы вправе говорить о "психическом" и как вообще мы определяем "психическое" в отличие от "физиологического"? И то, и другое - жизненные феномены, но они различаются в том, что функциональный компонент, рассматриваемый как *partie inferieure*, имеет безошибочно различимый физиологический аспект. Его появление или отсутствие, похоже, тесно связано с гормонами, а функционирование имеет компульсивный (навязчивый. - Прим. ред.) характер: отсюда термины "побуждение", "стимул". Риверс утверждает,

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
что в этом случае вполне естественна реакция по принципу "либо/либо"[43 - W.H.R. Rivers "Instinct and the Unconscious".], то есть, функция либо срабатывает, либо вовсе отсутствует, в чем выражается специфика принуждения. В отличие от этого, *partie supérieure*, которая лучше всего описывается как психическая и, кроме того, воспринимается как таковая, утратила компульсивный характер, подвластна воле[44 - Эта формулировка чисто психологическая и не имеет ничего общего с философской проблемой неопределенности.] и даже может быть направлена в какой-то мере вопреки изначальному инстинкту.

Из этих рассуждений явствует, что психическое представляет собой освобождение функции от ее инстинктивной формы и, таким образом, от компульсивности, которая, будучи единственным определяющим фактором функции, превращает ее в жестко детерминированный механизм. Психическое состояние или свойство начинается там, где функция теряет свою внешнюю и внутреннюю детерминированность и получает более широкую и свободную направленность, то есть там, где она проявляет свою подвластность воле, основанной на иной мотивации. Рискую предвосхитить дальнейшее изложение, не могу не отметить, что если мы отделяем психе, так сказать, в нижнем пределе от физиологической сферы инстинктов, то подобное разграничение мы должны провести также и в верхнем пределе. Ибо, с возрастанием свободы от чистого инстинкта *partie supérieure* в конце концов должна достичь точки, в которой внутренняя энергия функции перестает обуславливаться инстинктом в его изначальноном смысле и приобретает так называемую "духовную" форму. Это предполагает не сущностное изменение мотивации, движущей силы инстинкта, а просто другой способ ее приложения. Значение, или цель инстинкта отнюдь не однозначно, так как за инстинктом вполне может скрываться иной, чем биологический, смысл, который обнаруживает себя лишь в ходе развития.

В психической сфере функция может быть действием воли направлена в другое русло и модифицирована самым неожиданным образом. Это объясняется тем, что система инстинктов устроена так, что в ней нет подлинной гармонии, и она открыта для всевозможных внутренних коллизий. Один инстинкт нарушает действие другого и вытесняет его, и хотя в целом именно инстинкты делают жизнь индивида возможной, их слепая принудительная сила нередко приводит их в столкновение друг с другом. Выход функции за рамки принудительной инстинктивности и волевого управления ею чрезвычайно важны для сохранения жизни. Но это увеличивает вероятность рассогласования и ведет к расколу – к той самой диссоциации, которая несет в себе постоянную угрозу единству сознания.

В психической сфере, как мы убедились, воля воздействует на функцию. Это происходит благодаря тому факту, что сама воля является формой энергии и обладает силой, способной противостоять другим формам. В этой сфере, которую я определяю как психическую, воля лишь в конечном счете мотивируется инстинктами, и, конечно же, не абсолютно, ибо иначе это будет уже не воля, которой, по определению, должна быть присуща свобода выбора. Говоря "воля", мы подразумеваем некий запас энергии, которой свободно располагает психе. Непременно должен существовать такой свободный потенциал либидо (или энергии), в противном случае, какие-либо модификации функций были бы невозможны, ибо тогда последние были бы так неразрывно связаны с инстинктами (которые сами по себе в высшей степени консервативны и, потому, неизменны), что никакие преобразования были бы невозможны, если речь не идет об органических сдвигах. Как мы уже отмечали, мотивацию воли следует рассматривать прежде всего как сущностно биологическую. Однако (если можно так выразиться) у верхней границы, где функция отходит от ее изначальной цели, инстинкты теряют свое влияние в качестве движущей силы воли. Меняя форму, функция подчиняется другим детерминантам, или мотивациям, которые уже явно не имеют ничего общего с инстинктами. Я, собственно, хочу прояснить тот примечательный факт, что воля не может переступить границы психической сферы: она не в силах подчинить себе инстинкт и, точно так же, не обладает властью над духом, если мы понимаем под этим нечто большее, чем разум. Дух и инстинкт по природе своей автономны и в равной мере ограничивают сферу приложимости воли. Позднее я намерен показать, что, по моему мнению, определяет отношение между духом и инстинктом.

Точно так же, как в своих нижних пределах психе теряется в органическом субстрате, так в верхних пределах она превращается в "духовную" форму, о которой мы знаем столь же мало, сколь и о функциональной основе инстинкта. То, что я буду называть присущим психе, распространяется на все функции, подчиняющиеся воздействию воли. Чистая инстинктивность не дает оснований

Юнг Карл Густав о природе психе filosoff.org
предполагать какое бы то ни было сознание и не требует такового. Но воле, в силу присущей ей эмпирической свободы выбора, необходим верховный авторитет, нечто вроде собственного самосознания, позволяющего преобразовывать функцию. Воля должна "знать" некую цель, отличную от назначения функции. Иначе она совпадала бы с движущей силой функции. Дриш справедливо подчеркивает: "Без знания нет волеия"[45 - Die "Seek" als elementarer Naturfaktor, p. 80. "Индивидуальные стимулы информируют... "первоначального познающего" о патологическом состоянии и тогда этот "познающий" не только хочет лекарство, но и знает какое оно должно быть" (с. 82).]. Воля предполагает осуществляющего выбор субъекта, способного предвидеть различные возможности. Если смотреть под таким углом зрения, психе представляет собой сущностный конфликт между слепым инстинктом и волей (свободой выбора). Там, где господствуют инстинкты, начинаются психоидные процессы, принадлежащие к сфере бессознательного, как стихия, не поддающаяся осознанию. Психоидные процессы - это не собственно бессознательное, поскольку его рамки гораздо шире. Помимо психоидных процессов, бессознательное вмещает в себя бессознательные идеи и волевые акты, то есть нечто сродни сознательным процессам[46 - См. раздел 6 "Бессознательное как множественное сознание".]: но в инстинктивной сфере эти явления уходят так глубоко в основания, что термин "психоидный", пожалуй, вполне оправдан. Если же, однако, мы сужаем сферу психе до волевых актов, это приводит нас к выводу, что психе более или менее тождественна сознанию, потому что трудно представить себе волю и свободу выбора без сознания. Это явно возвращает нас к тому, где мы всегда и находились, к аксиоме психе = сознанию. Как же быть тогда с постулатом о психической природе бессознательного?

5. Сознание и бессознательное

Этот вопрос о природе бессознательного связан с чрезвычайно сложными для понимания моментами, с которыми мы встречаемся в психологии бессознательного. Такие трудности неизбежно возникают всякий раз, когда наш разум дерзко вступает в область неведомого и незримого. Наш философ ловко справляется с этим, поскольку, без обиняков отрицая бессознательное, он одним махом избавляется от всех затруднений. С подобным подвохом столкнулись и физики старой школы, верившие исключительно в волновую теорию света и вдруг обнаружившие, что существуют явления, объяснимые лишь корпускулярной теорией. К счастью, современная физика продемонстрировала психологам, что может совладать с этим явным *contradictio in adiecto* (Противоречие в определении, внутреннее противоречие (лат.). - Прим. ред.). Вдохновляемый подобным примером, психолог может смело приступить к этой спорной проблеме, не чувствуя при этом, что он совсем выпадает из мира естественных наук. Речь идет не об утверждении некой сущности, а о построении модели, открывающей многообещающую и плодотворную область исследований. Модель не несет в себе утверждения о том, каковым является нечто, она просто наглядно представляет особый способ наблюдения.

Прежде чем приступить к более основательному рассмотрению нашей дилеммы, я бы хотел прояснить один аспект понятия бессознательного. Бессознательное - не просто неизвестное, это скорее неизвестное психическое; мы определяем его, с одной стороны, как все те наши внутренние содержания, которые, проникнув в сознание, по всей вероятности, не будут ни в каком отношении отличаться от известных психических содержаний, с другой стороны, к этому следует добавить психоидную систему, о которой нам непосредственно ничего не известно. Определяемое таким образом, бессознательное вырисовывается перед нами как нечто весьма зыбкое: все, что я знаю и о чем, однако, в данный момент не думаю; все, что я некогда осознавал, но затем забыл; все, что воспринималось моими органами чувств, но не замечалось сознанием; все, что произвольно и не обращая внимания, я чувствую, думаю, помню, желаю и делаю; все образы будущего, которые зреют во мне и когда-нибудь всплывут в сознании, - все это и составляет содержание бессознательного. Все эти содержания в большей или меньшей степени, так сказать, поддаются осознанию или же были когда-то осознанными и могут в любой момент снова возникнуть в сознании. Таким образом, бессознательное представляет собой "окаймление сознания", по меткому выражению Уильяма Джемса[47 - Джемс также говорит о "трансмаргинальном поле" сознания и идентифицирует его с "сублиминальным сознанием" Майерса (*Proceedings S.P.R.*, VII, 1892, pp. 298ff.), одного из основателей Британского общества психических исследований (см. William James "Frederic Myers' Service to Psychology", *ibid.*, XVII, 1901, pp.

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
13ff). Относительно поля сознания Джемс говорит (Многообразии религиозного опыта, с. 189): "когда мы говорим о "поле сознания", мы должны отметить, как самую характерную черту последнего, неопределенность его окраинных областей. Содержание этих областей почти не попадает в сферу внимания; тем не менее оно существует и оказывает влияние на нашу душевную деятельность и даже на то направление, какое примет в ближайший момент наше внимание. Оно является как бы "магнитным полем", внутри которого, подобно стрелке компаса, вращается центр нашей духовной энергии, когда одна фаза сознания сменяется в нас другой. Все наши воспоминания носятся над этим полем, готовые войти в его пределы от малейшего прикосновения; точно так же непрерывно находится в сфере его влияния наше эмпирическое я, т.е. вся совокупность сил, импульсов и знаний, как находящихся в действии, так и не принимающих в данную минуту активного участия в нашей внутренней жизни. Граница между тем, что в данную минуту актуально и что потенциально в нашем сознании, так неопределенна, что всегда трудно сказать относительно какого-нибудь элемента душевной жизни, признаем ли мы его или нет".]. К этому пограничному феномену, рождающемуся из чередования теней, из света и тьмы, принадлежат также обнаруженные Фрейдом проявления, которые мы отмечаем ранее. Но кроме того, как я считаю, мы должны включить в бессознательное психические функции, не поддающиеся осознанию, о существовании которых мы знаем лишь косвенно.

Итак, мы подошли к вопросу: в каком состоянии находятся психические содержания, когда они пребывают вне связи с сознательным эго? (Эта связь конституирует все то, что может быть названо сознанием.) В соответствии с принципом, получившим название "бритва Оккама", – *entia praeter necessitatem non sunt multiplicanda* (не следует усложнять существование сверх необходимости) – наиболее осторожным выводом будет следующий: когда некое содержание становится бессознательным, ничего не меняется, за исключением связи с сознательным эго. По этой причине я отвергаю точку зрения, согласно которой бессознательные в короткий момент времени содержания имеют сугубо физиологическую природу. Ей недостает убедительности; к тому же психология невротиков дает поразительные доводы в пользу противоположного. Достаточно вспомнить о случаях раздвоения личности, *automatisme ambulatoire* (психический автоматизм (фр.) – Прим. ред.) и т.п. Данные, полученные как Жане, так и Фрейдом, указывают на то, что в бессознательном состоянии все продолжает функционировать точно так же, как если бы это происходило в сознании. И восприятие, и мысль, и чувство, и волеяние, и намерение – как будто за этим стоит некий субъект; действительно, существует немало случаев, – например, упомянутое выше раздвоение личности, – когда второе эго обнаруживает себя, соперничая с первым. Подобные проявления, казалось бы, говорят о том, что бессознательное фактически является "подсознательным". Но из некоторых наблюдений – иные из них были известны уже Фрейдю – ясно, что состояние бессознательных содержаний несколько отличается от сознательного состояния. Скажем, чувственно окрашенные комплексы в бессознательном не изменяются таким же образом, как в сознании. Хотя такие комплексы могут обогащаться ассоциациями, они не поддаются коррекции, а сохраняются в изначальной форме, что несложно установить на основании постоянного и единообразного их воздействия на сферу сознания. Так, они принимают характер неподвластного вмешательства и принудительного автоматизма, от которого можно избавиться только с их осознанием. Последняя процедура справедливо рассматривается как один из важнейших терапевтических факторов. В итоге подобные комплексы – предположительно, в меру их оторванности от сознания – приобретают, посредством самоамплификации, архаический и мифологический характер, а, значит, и определенную нуминозность, что явно просматривается в случаях шизофренической диссоциации. Нуминозность, однако, полностью выходит за рамки осознанной воли, поскольку вводит субъекта в состояние одержимости, то есть безвольного подчинения.

Эти особенности бессознательного состояния очень сильно контрастируют с тем, что происходит с комплексами в сознании. Здесь они поддаются коррекции: они теряют свой автоматический характер и могут быть существенно трансформированы. Они лишаются своего мифологического покрова и, вовлекаясь в адаптационный процесс, протекающий в сознании, претерпевают персонализацию и рационализацию, пока, наконец, не становится возможным их разностороннее обсуждение [48 – При шизофренической диссоциации таких изменений в сознательном состоянии не существует, потому что комплексы принимаются сознанием не полностью, а фрагментарно. Вот почему они так часто появляются в первоначальном архаическом состоянии.]. Очевидно, что бессознательное состояние, в конечном счете, отличается от сознательного.

Хотя, на первый взгляд, процесс в бессознательном протекает так, как если бы это происходило в сознании, с возрастанием диссоциации он вновь нисходит на более примитивный (архаически-мифологический) уровень, приближаясь по своему характеру к лежащему в его основании инстинктивному паттерну поведения и приобретает отличительные качества инстинкта: автоматизм, неуправляемость, реакция по принципу "либо/либо" и т.д. Прибегнув к аналогии со спектром, мы можем сравнить понижение уровня бессознательных содержаний со смещением в сторону края красной области цветовой шкалы – сравнение тем более поучительное, поскольку красный цвет, цвет крови, всегда означал эмоцию и инстинкт[49 – У Гете красный цвет имел духовное значение, однако это соответствовало его учению о чувствах. Мы можем предполагать, что в основе этого лежали идеи алхимиков и розенкрейцеров, например, красная тинктура и карбункул. См. Психология и алхимия, пар. 335, 454, 552.].

Таким образом, бессознательное является иной средой, чем сознание. В околосознательных областях мало что меняется, поскольку здесь чередование света и тени слишком стремительно. Но именно эта "ничейная земля" имеет для нас неограниченную значимость, если мы хотим дать ответ на вопрос о тождественности психе сознанию. Здесь явно видно, насколько относительно бессознательное состояние; настолько, в сущности, что возникает искушение прибегнуть к понятиям вроде "подсознательного", чтобы определить более темную область психе. Но столь же относительно и сознание, так как оно охватывает не только сознание как таковое, но и целый диапазон его интенсивности. Между "я делаю это" и "я осознанно делаю это" – бездна несоответствий, иногда вплоть до явных противоречий. Стало быть, существует сознание, в котором преобладает бессознательное, равно как и сознание, в котором господствует осознание "я". Этот парадокс станет вполне понятен, как только мы уясним, что в сознании нет такого содержания, о котором можно было бы с абсолютной определенностью сказать, что оно всецело осознанно[50 – Bleuler: *Naturgeschichte der Seele und ihres Bewusstseins*, pp. 300f.], потому что это с необходимостью требовало бы невысказанной всецелости сознания, а это, в свою очередь, предполагало бы столь же невысказанную полноту и совершенство человеческого разума. Итак, мы приходим к парадоксальному выводу, что нет такого сознательного содержания, которое не было бы в то же время в каком-то другом отношении бессознательным. Может быть, не существует также и бессознательного анимизма (psychism), который не был бы в то же время сознательным[51 – За явным исключением психоидного бессознательного, так как оно включает вещи, не способные осознаваться и являются только "квазипсихическими"]. Последнее предположение сложнее доказать, чем первое, поскольку наше эго, единственная инстанция, способная проверить такого рода утверждение, является точкой соотнесения для всего сознания и не имеет такой же связи с бессознательными содержаниями, а потому не может судить об их природе. Коль скоро речь идет об эго, их можно, с точки зрения любых практических целей, считать бессознательными, но это не означает, что они неосознанны для него в каком-то другом отношении, поскольку эти содержания могут быть известны эго в одном аспекте и неизвестны – в другом, когда они причиняют разлад в сознании. Кроме того, существуют процессы, в которых не усматривается какая-либо связь с сознательным эго и которые вместе с тем кажутся "представляемыми", или "квазисознательными". Наконец, существуют случаи, когда обнаруживается, как мы убедились, присутствие бессознательного эго, а, значит, второго сознания, хотя это, скорее, исключения[52 – В этой связи я должен упомянуть, что Мейер связывает наблюдения такого рода с подобными явлениями в физике. Он говорит: "Отношение дополнительности между сознанием и бессознательным побуждает нас, однако, к другой физической аналогии, а именно, необходимости строгого применения "принципа соответствия". Это может дать ключ к "строгой логике" бессознательного (логике вероятности), которую мы так часто ощущаем в аналитической психологии и которая побуждает нас думать о "расширенном состоянии сознания"". *Moderne Physik – Moderne Psychologie*, p.360.].

В сфере психического компульсивная модель поведения уступает место вариативности, обусловленной опытом и волевыми актами, то есть сознательными процессами. Таким образом, относительно психоидного, рефлекторно-инстинктивного состояния психе предполагает ослабление уз и неустойчивое уклонение от автоматизма в пользу "избирательных" модификаций. Этот отбор осуществляется частично в рамках сознания, частично вне его, то есть независимо от сознательного эго, а, следовательно, бессознательно. В последнем случае процесс является квазисознательным, как если бы он был "представляемым" и сознательным.

Поскольку нет достаточных оснований предполагать, что второе эго присуще каждому индивиду или же что каждый страдает диссоциацией личности, не следует принимать в расчет идею о втором эго-сознании как источнике волевых решений. Но коль скоро исследования психопатологии и психологии сновидений показали, что существование в высшей степени сложных, квазисознательных процессов в бессознательном весьма вероятно, мы вынуждены признать, что бессознательные содержания по своему состоянию, хотя и не идентичны сознательным, но в чем-то очень "подобны". Остается лишь предположить нечто среднее, существующее между сознанием и бессознательным, а именно – близкое к сознанию, околосознательное состояние. Так как нашему непосредственному опыту доступно лишь рефлектируемое, осмысленное состояние, которое *ipso facto* (Тем самым (лат.)). – Прим. перев.) осознанно и известно, поскольку оно по сути своей состоит в том, что поставляет идеи и другие содержания эго-комплексу, Репрезентирующему эмпирическую личность, то отсюда следует, что всякое другое сознание – лишенное эго или же содержания – фактически немыслимо. Впрочем, нет нужды столь категорично ставить вопрос. На несколько более примитивном уровне эго-сознание у людей в большой мере утрачивает свое значение, и сознание, соответственно, характерным образом модифицируется. В основном оно перестает быть рефлексируемым. И когда мы наблюдаем психические процессы (у высших позвоночных, в частности, у домашних животных), обнаруживаются явления, схожие с сознанием, которые, тем не менее, не дают оснований предполагать существование эго. Как мы знаем из непосредственного опыта, свет сознания имеет много степеней яркости, а эго-комплекс – много градаций выраженности. На животном и на примитивном уровне существует просто "луминозность", свечение, в целом едва ли отличимое от мерцающих фрагментов диссоциированного эго. Здесь, как и на инфантильном уровне, сознание не образует единства, еще не будучи связано единым центром – устойчивым эго-комплексом – и именно мерцание в процессе жизнедеятельности, во внешних или внутренних событиях, инстинктах и аффектах, вызывает пробуждение эго к жизни. На этой стадии оно еще подобно цепи островов или архипелагу. Даже на самых высших стадиях оно не бывает полностью интегрированным; скорее, оно способно к неограниченному расширению. Мерцающие острова, а то и целые континенты, все еще могут открыться нам и стать частью нашего современного сознания – феномен, с которым каждодневно сталкиваются психотерапевты. Поэтому мы не погрешим против истины, если будем представлять себе эго-сознание как образование, окруженное множеством точек свечения.

6. Бессознательное как множественное сознание

Гипотеза о множественных точках свечения основывается отчасти, как мы уже видели, на квазисознательном состоянии бессознательных содержаний, а отчасти на сфере явлений, связанных с определенными образами, которые следует рассматривать как символические. Они обнаруживаются в сновидениях и фантазиях современного человека и прослеживаются в исторических свидетельствах. Как, вероятно, известно читателю, одним из важнейших источников символических идей некогда была алхимия. Отсюда я почерпнул, прежде всего, идею *scintillae* – искр – которые появляются как зрительные иллюзии в "тайной субстанции"[53 – Психология и алхимия, пар. 352, 472 [Также *Mysterium Coniunctio*-л., пар. 42 слл.]]. Так, в *Aurora consurgens* (часть II) говорится: "*Scito quod terra foetida cito recipit scintillulas albas*" (Знай, что грязная земля быстро вбирает белые искры)[54 – *Artis auriferae* (1593), I, p. 208. *mylius*, *Philosophia reformata* (1622). На p. 142. он добавил: "*scintillas aureas*".]. Эти искры Кунрат трактует как "*radii atque scintillae*" (лучи и искры (лат.)). – Прим. ред.) мировой души, "*anima catholica*", тождественной духу Божьему[55 – "*Variae eius radii atque scintillae, per totius ingentem materiei primae massae molem hinc inde dispersae ac dissipatae: inque mundi partibus disiunctis etiam et loco et corporis mole, necnon circumscriptione, postea separatis... unius Animae universalis scintillae nunc etiam inhabitantes*" (Это понуждает лучи и искры рассыпаться и рассеиваться в необъятном объеме всей массы *prima materia*; сейчас искры единой универсальной души обитают в этих разъединенных частях мира, который ранее отделился от громады материальной субстанции, и даже от ее окружения). *Khunrath*, *Amphitheatrum sapientiae aeternae solius verae* (1604), pp. 195, 198.]. Из этой интерпретации ясно, что кое-кто из алхимиков уже предугадал (обожествлял) психическую природу таких свечений. Это были семена света, рассеянные в хаосе, которые Кунрат называет "*mundi futuri seminarium*" (семена мира грядущего)[56 – *Ibid.*, p. 197. Ср. с

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
 гностической доктриной Зерен Света, собираемых Девою Света и манихейской доктриной частиц света, которые должны приниматься плотью человека в качестве ритуальной пищи, как вид Евхаристии, когда съедается дыня. Наиболее ранним упоминанием этой идеи, как кажется, есть (Irenaeus, Contra haereses, I, 2, 4). касательно дыни, см.: M.-L, von Franz, "Der Traum des Descartes".]. Одна из таких искр - человеческий разум[57 - "Mens humani animi scintilla altior et lucidior" (Ум человеческой души - это высшая и самая светящаяся искра). Amphitheatrum, p. 63.]. Тайная субстанция - водяная земля, или земляная вода (limus: грязь) Мировой Сущности - "универсально одухотворилась" посредством "огненной искры мировой души", согласно Премудрости Соломоновой (1:7): "Дух Господа наполняет вселенную"[58 - Khunrath, von hylealischen... Chaos (1597), p. 63.]. В "Воде искусства", в "нашей Воде", которая есть также не что иное, как хаос[59 - В качестве синонима Кунрат упоминает (с. 216) "forma aquina, pontica, limus terrae Adamae, Azoth, Mercurius" (форма водяная и море-подобная, слизь земли Адама Азот, Меркурий) [Adama - по-еврейски "земля". - Изд.]], следует усматривать "огненные искры мировой души как чистые Formae Rerum essentialia"[60 - Ibid., p.216] (сущностные формы вещей (лат.). - Прим. ред.). Эти formae[61 - "Formae scintillaeve Animaе Mundi" (формы или искры мировой души), также называются Кунратом (p. 189): "rationes seminariae Naturae specificae" (зерна-идеи Природы, изначальные образцы), таким образом повторяя древнюю идею. Таким же образом он называет "scintilla Entelechia" (p. 65).] соответствуют идеям Платона, на основании чего можно приравнять scintillae к архетипам, если предположить, что формы, "накапливаемые над небесами", суть философская версия последних. Исходя из этих алхимических видений можно заключить, что архетипы несут некое сияние, или квазисознание, и что нуминозность обуславливает луминозность. У Парацельса, похоже, можно найти намек на это. Последующее взято из Philosophia sagax (Проницательная философия (лат.). - Прим. ред.): "И так же, как мало что в человеке может существовать без божественного нумена, точно так же мало что может существовать в человеке без природного лумена. Человек становится совершенным посредством нумена и лумена, и только посредством эти двух [начал]. Все происходит из этих двух [начал], и эти два [начала] присутствуют в человеке, но без них человек суть ничто, тогда как они могут существовать без человека"[62 - Paracelsus: Samtliche Werke, ed. by Karl Sudhoff, XII, p.231; Bucher und Schriften... Paracelsi..., ed. by Johannes Huser, X, p. 206.]. В подтверждение этого Кунрат пишет: "Существуют Scintillae Animaе Mundi igneae, Luminis nimirum Naturae, огненные искры мировой души, то есть природного света ... рассеянного, или всепроникающего по всему великому мирозданию, во все, порождаемое стихиями"[63 - Khunrath, von hylealischen Chaos, p. 94.]. Эти искры исходят из "Ruach Elohim", Духа Божьего[64 - Ibid., p.249.]. Среди scintillae он различает "scintilla perfecta unici Potentis ac fortis" (Искра совершенная. Исключительно Могучая и Сильная (лат.). - Прим. ред.), которая есть эликсир, а, следовательно, сама тайная субстанция[65 - Ibid., p. 54. В этом он сходится с Парацельсом, называвшем lumen naturae квинтэссенцией, извлеченной из четырех элементов самим Богом. (Sudhoff, XII, pp. 36, 304).]. Если мы вправо сравнить эти искры с архетипами, то очевидно, что Кунрат особо выделяет один из них. Его представляют также как Монаду или Солнце, причем и то и другое указывает на нечто Божественное. Подобный образ можно обнаружить в послании Игнатия Антиохийского к ефессянам, где он пишет о пришествии Христа: "Как же тогда он явился в мир? Звезда засияла в небе над звездами, и ее свет был невыразим, и ее новизна изумляла, и все другие звезды, вместе с солнцем и луной, собрались хором вокруг этой звезды "..."[66 - Ch. XIX, 1ff. (trans. by Lake in The Apostolic Fathers, I, p. 193).]. Отмечу мимоходом, что с точки зрения психологии, Одну искру, или Монаду следует рассматривать как символ Самости.

Для Дорна эти искры имеют ясный психологический смысл. Он говорит: "Таким образом он постепенно придет к тому, чтоб увидеть своим ментальным взором ряд звезд, сияющих изо дня в день все сильнее и сильнее, достигая такого яркого света, что отныне ему станут ведомы все вещи, что необходимы ему"[67 - "sic paulatim scintillas aliquot magis ac magis indes per lucere suis oculis mentalibus percipiet, ac in tantam excrescere lucem, ut successivo tempore quaevis innotescant, quae sibi necessaria fuerint". Gerhard Dorn, "Speculativae philosophiae", in Theatrum chemicum, I (1602), p.275.]. Этот свет - lumen naturae - свет природы, озаряет сознание, а scintillae (искры) - это зародышевые точки свечения, вспыхивающие во тьме бессознательного. Дорн, подобно Кунрату, многим обязан Парацельсу, с которым сходится во мнениях, предполагая в человеке "invisibilem solem plurimis incognitum" (невидимое солнце, многим не ведомое)[68 - "Sol est invisibilis in

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
hominibus, in terra vero visibilis, tamen ex uno et eodem sole sunt ambo
 (Солнце, невидимое в человеке, но видимое в мире, является одним и тем же солнцем). *Ibid.*, p.308]. Об этом природном свете, присущем человеку, Дорн говорит: "Ибо жизнь, свет человеческий[69 - "Et vita erat lux hominum. Et lux in tenebris lucet". (И жизнь была светом людей. И свет во тьме светит). Ин 1:4, 5.], сияет внутри нас, хотя и неясно, и как бы сквозь тьму. Его нельзя извлечь из нас, однако он в нас, но не от нас, а от Того, кому он принадлежит, кто удостоил нас быть его вместилищем. Он вселяет в нас этот свет, дабы мы могли видеть в этом свете Его, кто пребывает в недостижимом свете, дабы мы могли превзойти другие Его творения; таким способом мы делаемся подобными Ему, ибо Он дал нам искру света Его. Посему, истину нужно искать не в нас самих, а в образе Божиим, который внутри нас"[70 - "Lucet in nobis licet obscure vita lux hominum tanquam in tenebris, quae non ex nobis quaerenda, tamen in et non a nobis, sed ab eo cuius est, qui etiam in nobis habitationem facere dignatur... Hic earn lucem plantavit in nobis, ut in eius lumine qui lucem inaccessibilem inhabitat, videremus lumen; hoc ipso quoque caeteras eius praecelleremus creaturas; illi nimirum similes hac ratione facti, quod scintillam sui luminis dedit nobis. Est igitur veritas non in nobis quaerenda, sed in imagine Dei quae in nobis est". "Philosophia meditativa", Theatrum chemicum, 1, p. 460.]].

Таким образом, один архетип, которому придает особое значение Кунрат, известен также и Дорну как *sol invisibilis* или *imago Dei*. У Парацельса *lumen naturae* первоначально исходит от "astrum" или "sydus", "звезды внутри человека"[71 - Sudhoff, XII, p. 23: "То, что присутствует в свете природы, в то же самое время является работой звезды" (Huser, X. p. 19)]. "Небесный свод" (синоним звезд) - это природный свет[72 - *Philosophia sagax*, Huser, X, p. 1 (Sudhoff, XII, p. 3).]. Следовательно, "краеугольным камнем" любой истины является "астрономия", "мать других искусств... За нею - божественная мудрость, за нею - свет природы"[73 - *Ibid.*, pp. 3f (pp. 5f.)]; даже "наиболее превосходные религии" опираются на астрономию[74 - Апостолам соответствуют зодиакальные символы, *ibid.*, p. 23 (p. 27).]. Ибо звезда "призвана вести человека к великой мудрости..., чтобы он пришел в изумление в свете природы, и тайны Божественной дивной работы раскрылись и явили себя в их величии"[75 - *Ibid.*, p. 54 (p. 62).]. Действительно, по сути человек является "Astrum": не сам по себе, но беспрестанно со всеми апостолами и святыми; все и каждый - суть *astrum*, небесная звезда... поэтому и в Писании говорится: "Вы - свет мира"[76 - *Ibid.*, p. 344 (p. 386). Последнее выражение отсылает к Матфею 5:14: "vos estis lux mundi".]. Итак, если звезда заключает в себе весь природный свет, и от нее человек берет его [этот свет], как пищу от земли, на которой он родился, таким же образом он рождается на звезде"[77 - *Ibid.*, p. 409 (pp. 456ff).]. Также и животным дан природный свет, который есть "врожденный дух"[78 - "... подобно петухам, которые поют на изменение погоды, и павлинам, извещающим смерть их господина... все это суть нерожденный дух и свет природы". *Fragmenta medico*, cap. "De morbis somnii", Huser, V, p. 130 (Sudhoff, IX, p. 361).]. Человек при рождении "наделается совершенным светом природы"[79 - *Liber de generatione hominis*, VIII, p. 172 (I, p. 300).]. Парацельс называет его "*primum ac optimum thesaurum, quem naturae monarchia in se claudit*"[80 - *De vita longa*, ed. by Adam von Bodenstein (1562), Lib. V, c. ii.] (первое и лучшее сокровище, которое скрывает в себе царство природы), и в этом он близок к распространенным повсюду в мире описаниям Единого как бесценной жемчужины, скрытого сокровища, "сокровища труднодостижимого" и т.д. Свет дается внутреннему человеку или внутреннему телу (*corpus subtile*, тонкому телу), как явствует из следующего отрывка:

"Возвышенность и мудрость позволяют человеку выйти из своего внешнего тела, ибо та самая мудрость и то понимание, которые необходимы ему, являются вместе с этим телом и они суть внутренний человек"[81 - *Philosophia sagax*, X, p. 341 (XII, p. 382): "Теперь ясно, что вся человеческая мудрость земного тела заключается в свете природы". Это "человеческий свет вечной мудрости": *ibid.*, p. 395 (p. 441).]; таким образом он может жить и не так, жить как внешний человек. Ибо такой внутренний человек вечно преображающийся и подлинный, и если в смертном теле он кажется несовершенным, то после отделения от плоти, он все же предстает в своем совершенстве. То, о чем мы сейчас говорим, называется *lumen naturae* и является вечным. Бог дал это свечение внутреннему телу, чтобы он [*lumen naturae*] мог подчиняться внутреннему телу и в согласии с разумом, "... ибо лишь свет природы есть разум и ничто другое ..." свет есть то, что дает веру "..." каждого человека Бог наделил в достатке предопределенным светом, дабы он не

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
заблуждался "...". Но если мы обратимся к истокам внутреннего человека, или тела, то следует отметить, что все внутренние тела суть не что иное, как одно тело, и оно единственное для всех людей, хотя и разделенное в согласии с надлежащими количествами тела, отличающихся одно от другого. А будь они все собраны вместе, это не что иное, как лишь один свет и один разум[82 - Liber de generatione hominis, VIII, p. 171 (I, pp. 299f)] "Боле того, свет природы - это свет, который загорается от Святого Духа и не гаснет, ибо он светит хорошо... и это свет такого рода, что требует горения[83 - "Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!" Лука 12:49.], - чем продолжительнее [он горит], тем ярче сияет, и чем продолжительнее, тем сильнее... поэтому в свете природы есть огненная страсть воспламенения"[84 - Fragmenta cum libro de fundamento sapientiae, IX, p. 448 (XIII, pp. 325f).]. Это "невидимый" свет: "Итак, постигни, что исключительно в невидимом обретает человек свою мудрость, свое искусство, идущее от света природы"[85 - Philosophia sagax, X, p. 46 (XII, p. 53).]. Человек - это "пророк света природы"[86 - Ibid., p. 79 (p. 94).]. Он постигает lumen naturae через сновидения[87 - Practica in scientiam divinationis, X, p. 438 (XII, p. 488).], наряду с прочими вещами. Поскольку свет природы бессловесен, он во снах создает образы силою слова" (Божиего)[88 - Liber de Caducis, IV, p. 274 (VIII, p. 298).].].

Я позволил себе задержаться на некоторых фрагментах Парацельса и процитировать ряд подлинных текстов, поскольку хочу предложить читателю самое общее представление о том, как эти авторы понимали lumen naturae. Особенно поразило меня (применительно к нашей гипотезе о множественном сознании и его феноменах) то, что характерное алхимическое видение звезд, искрящихся во тьме тайной субстанции, должно, согласно Парацельсу, преобразоваться в зрелище "внутреннего небесного свода" со звездами. Он увидел темноту психе как усыпанное звездами ночное небо, чьи планеты и созвездия представляют архетипы во всей их ясности и божественности[89 - В Hieroglyphica Горраполлон звездное небо обозначает Бога в качестве неотвратимой Судьбы, символизируемой "5", вероятно обозначает расположенных по углам квадрата с пятым элементом посередине. [Пер. George Voas, p. 66 - Изд.]]. Звездное небо есть поистине открытая книга космической проекции, в которой отражаются мифологемы, т.е. архетипы. В этом видении астрология и алхимия - две классические выразительницы психологии коллективного бессознательного - тесно переплетаются.

Непосредственное влияние на Парацельса оказал Агриппа фон Неттенгейм[90 - Alchemical Studies, index, s.v. "Agrippa".], выдвинувший предположение о luminositas sensus naturae (Просветленное ощущение природы (лат.)). - Прим. перев.). Отсюда "проблески провидения нисходят на четвероногие твари и другие живые создания", и это дает им возможность предугадывать будущее"[91 - Cornelius Heinrich Agrippa Nettesheim, De occulta philosophia (1533), p. Ixix: "Nam iuxta Platoniorum doctrinam, est rebus inferioribus vis quaedam insita, per quam magna ex parte cum superioribus conveniunt, unde etiam animalitum taciti consensus cum divinis corporibus consentire videntur, atque his viribus eorum corpora et affectus affici". (В соответствии с доктриной Платона, в низших сущностях существует определенная добродетель, посредством которой они в известной мере согласуются с высшими существами; отсюда можно увидеть, что молчаливое согласие животных находится в согласии с божественными телами, и что с их телами и привязанностями соприкасаются эти добродетели) и т.д.]. Для обоснования sensus naturae он ссылался на авторитет Гильома Парижского, который был не кем иным, как Уильямом Овернским (Г.Альвернус, ум. 1249), епископом Парижа с 1228 г., автором многих работ, которые в ряду других, оказали влияние на Альберта Великого. Альвернус говорит, что sensus naturae является высшей (относительно восприятия) способностью человека, и утверждает, что животные также обладают им[92 - Lynn Thorndike, History of Magic and Experimental Science, II, pp. 348f.]. Учение о sensus naturae развивалось из идеи о всепроникающей мировой душе, которая занимала мысли другого Гильома Парижского, предшественника Альвернуса по имени Гильом де Конш[93 - Francois Picavet, Essais sur l'histoire generale et comparee des theologies et des philosophies medievales, p. 207.] (1080-1154), - неоплатоника, преподававшего в Париже. Он идентифицировал anima mundi, то есть sensus naturae, со Святым Духом, точно также, как это делал Абельяр. Мировая душа есть природная сила, ответственная за все явления жизни и психе. Как я показал в другом месте, такое понимание anima mundi проходит сквозь всю традицию алхимии, поэтому Меркурий здесь интерпретировался как anima mundi, то есть как Святой Дух[94 - См. Психология и алхимия, пар. 172, 265, 506, 446, 518.]. С точки зрения важности алхимических идей для психологии

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
бессознательного, пожалуй стоит посвятить немного времени самому яркому
примеру этого символизма искры.

Еще чаще чем мотив искры, встречается мотив рыбьих глаз, имеющий то же значение. Я говорил выше, что фрагмент из Мориена Римлянина приводится авторами как источник доктрины *scientia illae*. Этот фрагмент можно найти в трактате Мориена Римлянина. В нем говорится: "Purus laton tamdiu decoquitur, donee veluti oculi piscium elucescat..."[95 - "Liber de compositione Alchemiae" в *Artis auriferae*, II, p.32. "Чистое лато жарится до тех пор, пока оно не начинает сиять подобно рыбьим глазам". Таким образом, сами авторы трактуют *oculi piscium* как *scintillae*.]. Сказанное здесь тоже является цитатой из еще более раннего источника. У более поздних авторов рыбы глаза всегда появляются неожиданно. У сэра Джорджа Рипли существует вариант, в котором сообщается, что остается "обезвоженная морская" субстанция, "сверкающая подобно рыбьим глазам"[96 - *Opera omnia chemica* (1649), p.159.] - очевидная аллюзия на золото и солнце (глаза Бога). Отсюда не удивительно, что алхимик[97 - *Eiremaeus Orandus, Nicholas Flamel: His Exposition of the Hieroglyphicall Figures etc.* (1624).] семнадцатого столетия использовал слова из Захария (4:10) в качестве эпитафии для своей работы о Николае Фламелье: "Et videbunt lapidem stanneum in manu Zorobabel. Septem isti oculi sunt Domini, qui discurrunt in universam terram" (Ибо... радостно смотрят на строительный отвес в руках Зоровавеля те семь, - это очи Господа, которые объемлют взором всю землю)[98 - Также подходит Зах. 3:9: "... на этом одном камне - семь очей". [Обе цитаты даны по русскому каноническому переводу Библии, который частично не совпадает с латинским текстом. - Прим. перев.]]. Очевидно эти семь глаз суть семь планет, которые, подобно солнцу и луне, есть глаза Божьи, никогда не отдыхающего, вездесущего и всевидящего. Тот же самый мотив, вероятно, лежит в основе многоглазого гиганта Арга. Его прозвище - "Всевидец", и оно выражает символизм звездных небес. Иногда он одноглазый, иногда - четырехглазый, иногда - стоглазый и даже обладатель бесчисленного множества глаз. Кроме этого, он никогда не спит. Гера перенесла глаза Арга Панопта на перья павлиньего хвоста[99 - Эта мифологема из важнейших в интерпретации *cauda pavonis* [хвоста павлина (лат.). - Прим, перев.]]. Как и стражу созвездия Дракона в цитируемых Аратом фрагментах из Ипполита также отводится место все-обозревающей инстанции. Дракон здесь рассматривается как тот, "кто с высочайшего полюса взирает на все вещи и видит все вещи, так что ничего из происходящего не может быть сокрыто от его взора"[100 - "Elenchos, IV, 47, 2, 3, . Cf. Legge, I, p.109]. Это недремлющий дракон, ибо Полюс "никогда не заходит". Часто его путают с извилистым солнечным путем проходящим через небо: "C'est pour ce motif qu'on dispose parfois les signes du zodiaque entre les circonvolutions du reptile" (Это тот мотив, в соответствии с которым знаки зодиака иногда располагаются между кольцами рептилии (фр.). - Прим. перев.) говорит Камон[101 - F.Cumont, *Textes et monuments figures relatifs aux mysteres de Mithra*, I, p. 80.]. Иногда змея несет на своей спине шесть знаков зодиака[102 - Pitra, ed., *Analecta sacra*, V, p.300. Цит. из Robert Eisler, *Weltenmantel und Himmelszelt* (1910), II, p.389, 5.]. Как заметил Эйслер, на основании символизма времени всевидение дракона переносится на Хроноса, которого Софокл называет "о ;", тогда как в памятной дощечке для тех, кому выпадает Хирон, он назван ";"[103 - Eisler, p.388. "Всевидящий Хронос" и "всезамечающий демон".]. У Горуполлона Уроборос имеет значение вечности и космоса. Вероятно, отождествлением Всевидящего со временем объясняются глаза на колесе в видении Иезекииля (1:18: "А ободья их - высоки и страшны были они; ободья их у всех четырех вокруг полны были глаз"). Мы упоминаем об этом отождествлении как особо важном: оно означает связь между *mundus archetypus* (Архетип вселенной, мироздания (лат.). - Прим. перев.) бессознательного и "феноменом" Времени - или, другими словами, указывает на синхроничность архетипических событий, о которых я подробнее скажу в конце этой статьи.

Из автобиографии Игнатия Лойолы, которую он надиктовал Луису Гонсалесу[104 - *The Testament of Ignatius Loyola*, trans, by E.M.Rix, p. 72.], мы узнаем, что ему доводилось созерцать ярчайший свет и иногда это видение представлялось ему в форме змеи. Она являлась, исполненная сияющих очей, которые вместе с тем не были таковыми. Сначала его чрезвычайно тешила красота этого видения, однако со временем он признал в нем злой дух[105 - У Игнатия также было видение "res quaedam rotunda tanquam ex auro et magna", которое плыло перед глазами: вещь круглая, как будто бы сделанная из золота, и великая. Он интерпретировал это как явившегося ему Христа в образе солнца. Philipp Funk, *Ignatius von Loyola*, pp. 57, 65, 74, 112.]. В видении Лойолы преломляются, по сути все аспекты нашей оптической темы, и

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
возникает наиболее впечатляющая картина бессознательного с его рассеянным свечением. Легко представить себе смятение средневекового человека перед лицом в высшей степени "психологической" интуиции, особенно если ему неведомы ни догматический символ, ни адекватная аллегория из патристики, которые могли бы прийти на помощь. Но на самом деле Игнатий был не так уж далек от цели, поскольку множество глаз – это атрибут Пуруши, космического человека индусов. В Ригведе (10.90) сказано: "Пуруша – тысячеглавый, Тысячеглазый, тысяченогий Со всех сторон покрыв землю, Он возвышался (над ней еще) на десять пальцев"[106 – [Перевод взят из: Ригведа. мандалы IX–X. Пер. Т.Я. Елизаренкова. М., Наука, 1999. – С. 235. Как объясняет Кумарасвами в *American Oriental Society*, LVI (1946), 145-61 "десятипальцевое пространство" (буквально: "десятипальцевый") относится "макрокосмически к расстоянию между небом и землей и, микрокосмически, к пространству между верхушкой головы и подбородком" человека. Он продолжает: "Поэтому я полагаю, что Ригведа 10.90 ...показывает способ, каким Пуруша, используя всю землю в качестве подставки для ног, заполняет всю вселенную и правит ею посредством силы видения и т.д., исходящей от его лица, и которой аналогична собственная сила видения и т.д. человека; это лицо, будь оно Бога или человека, является ... само образом целой триединой вселенной. – Прим. R.F.C. Hull.]]. Моноим у арабов, согласно Ипполиту, учил, , неделимую, и в то же самое время, составную, делимую (, и эта мельчайшая из единиц, соответствующая кунратовской *scintilla*, имеет "множество лиц" и "множество глаз" [107 – *Elenchos*, VIII, 12, 5 [см. также пар. 340 сл. – Изд.]].
Причем Моноим основывается здесь главным образом на прологе к Евангелию от Иоанна. Подобно Пуруше, его первый Человек есть вселенная [108 – *Ibid.*, VIII, 12, 2.].

Такие видения следует понимать как интроспективные интуиции, которые каким-то образом врываются в сферу бессознательного, и вместе с тем как ассимилированные формы центральной христианской идеи. Естественно, этот мотив имеет тот же смысл и в современных снах и фантазиях, где он появляется то в виде звездного неба, то в виде звезд, отражающихся в темной воде, то в виде самородков золота или золотого песка, рассыпанного по черной земле[109 – Ср. с алхимическим изречением: "*Seminate aurum in terram albam foliatam*" (Ищи золото в белой, покрытой листьями земле).], или же как ночная регата со множеством огней на фоне темной поверхности моря, как один-единственный глаз, глядящий из морских глубин или из бездны, как парапсихическое видение светящихся шаров и т.п. Поскольку сознание всегда описывалось в терминах, производных от характеристик света, вполне допустимо предположить, что это множественное свечение соответствует тончайшим феноменам сознания. Если свечение проявляется в монадной форме, как нечто единичное – звезда, солнце или глаз, оно легко принимает форму мандалы и, следовательно, должно быть истолковано как Самость. Это не имеет ничего общего с "двойственным сознанием", поскольку ничто не указывает на диссоциацию личности. Напротив, символы Самости имеют характер "объединяющих"[110 – См. мои замечания в отношении "объединяющего символа" в "Психологических типах", ч. V, разд. 3 и 5.].

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/>

Приятного чтения!
notes

Примечания

2

Hermann Siebeck, *Geschichte der Psychologie*.

3

В действительности это справедливо только для старой психологии. В настоящее время происходит значительное изменение точки зрения.

4

Psychologia empirica (1732).

5

В англо-саксонских странах существует степень "Doctor Scienti, а психологи обладают большей независимостью.

6

В настоящее время ситуация несколько улучшилась.

7

пер. С.Н. Judd, pp. 227-28, из Grundriss der Psychologie. [Выделено Юнгом].

8

Guido Villa, Einleitung in die Psychologie der Gegenwart, p. 339.

9

wilhelm wundt, Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, p. 327.

10

Pierre Janet, Automatisme psychologique, pp. 243, 238ff.

11

Gustav Theodor Fechner, Elemente der Psychophysik, II, p. 438: "...идея психофизического порога... дает прочную основу для идеи бессознательного в общем. Психологи не могут извлечь представления не только из бессознательных восприятий, но даже и из их эффектов".

12

Ibid., p. 439.

13

Grundzuge der physiologischen Psychologie, III, p. 328

14

Ibid., p. 326. Цит. из wolfs Vernunftige Gedanken won Gott, der welt, und der Seek des Menschen (1719), par. 193.

15

Ethnische Elementargedanken in der Lehre vom Menschen и Der mensch in der Geschichte, I, pp. 166ff., 213ff.; II, pp. 241ff.

16

Volkerpsychologie, V, Part II, p. 45.

17

Ibid., IV, Part I, p. 41.

18

Ср. с замечанием Фехнера, что "идея психологического порога является крайне важной, так как она подводит твердую основу под идею бессознательного в целом". Он продолжает: "Восприятие и представления в бессознательном состоянии, конечно, прекращают существование в качестве реальных... однако иногда остаются внутри нас в виде психофизической активности", и т.д. (II, p. 438 ff.) Этот вывод слегка неосмотрителен, поскольку психические процессы остаются в большей или меньшей степени теми же самыми, не зависимо от того, существует сознание или нет. "Представление" существует не только посредством своей "представимости", а также – и это главное – по своему собственному психическому праву.

19

Ср. Lipps, "Der Begriff des Unbewussten", pp.146ff; и Grundtatsachen des Seelenlebens, pp. 125ff.

20

Leitfaden der Psychologie, p. 64.

21

Ibid., pp. 65f.

22

Geschichte der neueren deutschen Psychologie. [Выделено К. Юнгом].

23

Я воспроизвожу здесь то, что Уильям Джеймс сказал о важности открытия бессознательной психе: "Самым значительным и важным шагом вперед, совершенным психологией с тех пор, как я еще в студенческие годы занялся изучением ее, я считаю сделанное впервые в 1886 году открытие, что – по крайней мере у некоторых людей, – сознание не ограничивается обыкновенным "полем", с его "центром" и "окраинами", но охватывает еще целый ряд воспоминания, мыслей, ощущений, которые находятся совершенно за пределами основного сознания и тем не менее должны быть признаны своеобразными

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
фактами сознания, обнаруживающими свое существование несомненными признаками. Я считаю это открытие важнейшим из завоеваний психологии, потому что оно открыло перед нами совершенно неожиданные свойства душевной организации человека. Никакое другое психологическое открытие не может сравниться с этим по глубине своего значения" в книге: Уильям Джемс, Многообразие религиозного опыта, СПб: Андреев и сыновья, 1993, сс. 189-190. Открытие 1886 г., на которое ссылается Джемс, это постановка проблемы "сублиминального сознания" Фредериком В.Х. Майером. См. пр. 47 ниже.

24

Математик однажды заметил, что все в науке было создано человеком, за исключением чисел, которые Бог создал сам.

25

G.H. Lewes в *The Physical Basis of Mind* считает все это само собой разумеющимся, например, на с. 358 он говорит: "Ощущения проявляются с различными уровнями и в различных видах, таких, как восприятие, фантазия, эмоция, желание, которые могут быть сознательными, подсознательными или бессознательными". На с. 363: "Сознание и бессознательное коррелированы, оба относятся к способности Ощущать. Каждое проявление бессознательного процесса управляет, изменяет общее состояние организма и способно однажды завершиться в умении распознать ощущение, когда сила, балансирующая его, выходит из равновесия". На с. 367: "Существует много произвольных действий, часть из которых мы находим сознательными, и много произвольных действий, среди которых раз за разом мы обнаруживаем подсознательные и бессознательные... Так же, как и мысль, которая однажды появляется бессознательно, в другой раз – сознательно, оставаясь все время той же самой мыслью... поэтому действие, в один момент – произвольное, а в другой – произвольное, является тем же самым действием." Льюис определенно забегает слишком далеко, когда говорит (с. 373): "не существует реального и существенного различия между произвольными и произвольными действиями". Иногда существует мир из различий.

26

Fechner, II, pp. 438ff.

27

я не принимаю во внимание "ловкого Ганса" [но ср. D. Katz, *Animals and Men*, 13ff. – Изд.] и собаку, которая говорила о "изначальной душе"

28

Джемс, Многообразие религиозного опыта, СПб: Андреев и Сыновья, 1993, с. 188.

29

Hans A.E. Driesch, *The Science and Philosophy of the Organism*, 1929, p. 221.

30

Ibid., p. 281.

31

В *Die Psychoide als Prinzip der organischen Entwicklung*, p. 11. Происходит от Psyche "подобный душе").

32

Ibid., p. 11.

33

Ibid., p. 33

34

Я могу воспользоваться словом "психоидное" целиком законно, потому что, хотя использованный мной термин заимствован из отличной области восприятия, оно, тем не менее, грубо описывает ту же самую группу явлений, которую подразумевал Блейлер. А. Busemann в своей книге *Die Einheit der Psychologie* (p. 31) называет эту недифференцированную психе "микрорпсихикой".

35

Особенно возражают против использования термина "сверхсознание" те, кто попал под влияние индийской философии. Они обычно недопонимают, что их возражение распространяется только на гипотезу о "подсознании"; этот двусмысленный термин я избегаю использовать. С другой стороны, моя концепция бессознательного оставляет вопрос "выше" и "ниже" полностью открытым, так как она охватывает оба аспекта психе.

36

См. в частности Eduard von Hartmann, *Philosophie des Unbewussten* (1869).

37

Оценку его работ можно найти в Jean Paulus, *Le Probleme de l'hallucination et revolution de la psychologie d'Esquirol a Pierre Janet*.

38

В этой связи мы должны также упомянуть значительного швейцарского психолога Theodore Flournoy и его главный труд *Des Indes a la Planete Mars* (1900). Другой пионер W.B. Carpenter (*Principles of Mental Physiology*, 1874) и G.H. Lewes (*Problems of Life and Mind*, 1873-79). О Frederic W.H. Myers см. pp. 23 и 47.

39

Эта неопределенность и неясность инстинктов, как показал Marais в экспериментах с обезьянами (*The Soul of the white Ant*, p. 429), может оказывать влияние на стоящую выше изучающую способность,

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
господствующую над инстинктами, как это очевидно и в случае с человеком. По вопросу инстинктов см. L.Szondi, Experimentelle Trieb-diagnostik and Triebpathologie.

40

"Инстинкты имеют психологический и психический характер, который... заставляет организм двигаться в четко определенном направлении" (W. Jerusalem, Lehrbuch der Psychologie, p. 188). С другой точки зрения (Oswald Kulpe) инстинкты рассматриваются как "сплав чувства и органа ощущения" (Outlines of Psychology, p.322, modified).

41

Les Nevroses, pp. 384ff.

42

Жане говорит (p. 384): "По-видимому, мы должны различать в каждой функции низшую и высшую части. Когда функция использовалась продолжительное время, она содержит древние образования, которые функционируют очень свободно и представляются совершенно особыми и специализированными органами... Это - низшие части функции. Однако, по моему мнению, именно в каждой функции существуют высшие части, суть которых состоит в функциональной адаптации к более новому и значительно менее привычному ощущению, и представляются органами, дифференцированными в заметно меньшей степени". Но высшая часть функции состоит в "ее адаптации к конкретному окружению настоящего момента, момента, в котором мы должны использовать ее".

43

W.H.R. Rivers "Instinct and the Unconscious".

44

Эта формулировка чисто психологическая и не имеет ничего общего с философской проблемой неопределенности.

45

Die "Seek" als elementarer Naturfaktor, p. 80. "Индивидуальные стимулы информируют... "первоначального познающего" о патологическом состоянии и тогда этот "познающий" не только хочет лекарство, но и знает какое оно должно быть" (с. 82).

46

См. раздел 6 "Бессознательное как множественное сознание".

47

Джемс также говорит о "трансмаргинальном поле" сознания и идентифицирует его с "сублиминальным сознанием" Майерса (Proceedings S.P.R., VII, 1892, pp. 298ff.), одного из основателей Британского общества психических исследований (см. Willian James "Frederic Myers' Service to Psychology",
Страница 27

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
ibid., XVII, 1901, pp. 13ff). Относительно поля сознания Джемс говорит (Многообразие религиозного опыта, с. 189): "Когда мы говорим о "поле сознания", мы должны отметить, как самую характерную черту последнего, неопределенность его окраинных областей. Содержание этих областей почти не попадает в сферу внимания; тем не менее оно существует и оказывает влияние на нашу душевную деятельность и даже на то направление, какое примет в ближайший момент наше внимание. Оно является как бы "магнитным полем", внутри которого, подобно стрелке компаса, вращается центр нашей духовной энергии, когда одна фаза сознания сменяется в нас другой. Все наши воспоминания носятся над этим полем, готовые войти в его пределы от малейшего прикосновения; точно так же непрерывно находится в сфере его влияния наше эмпирическое я, т.е. вся совокупность сил, импульсов и знаний, как находящихся в действии, так и не принимающих в данную минуту активного участия в нашей внутренней жизни. Граница между тем, что в данную минуту актуально и что потенциально в нашем сознании, так неопределенна, что всегда трудно сказать относительно какого-нибудь элемента душевной жизни, сознаваем ли он или нет".

48

При шизофренической диссоциации таких изменений в сознательном состоянии не существует, потому что комплексы принимаются сознанием не полностью, а фрагментарно. Вот почему они так часто появляются в первоначальном архаическом состоянии.

49

У Гете красный цвет имел духовное значение, однако это соответствовало его учению о чувствах. Мы можем предполагать, что в основе этого лежали идеи алхимиков и розенкрейцеров, например, красная тинктура и карбункул. См. Психология и алхимия, пар. 335, 454, 552.

50

Bleuler: Naturgeschichte der Seele und ihres Bewusstwerdens, pp. 300f.

51

За явным исключением психоидного бессознательного, так как оно включает вещи, не способные осознаваться и являются только "квазипсихическими".

52

В этой связи я должен упомянуть, что Мейер связывает наблюдения такого рода с подобными явлениями в физике. Он говорит: "Отношение дополнительности между сознанием и бессознательным побуждает нас, однако, к другой физической аналогии, а именно, необходимости строгого применения "принципа соответствия". Это может дать ключ к "строгой логике" бессознательного (логике вероятности), которую мы так часто ощущаем в аналитической психологии и которая побуждает нас думать о "расширенном состоянии сознания"". "Moderne Physik - Moderne Psychologie", p.360.

53

Психология и алхимия, пар. 352, 472 [Также Mysterium Coniunctio-л", пар. 42 слл.]

54

Artis auriferae (1593), I, p. 208. Mylius, Philosophia reformatata (1622). На p. 142. он добавил: "scintillas aureas".

55

"Variarum eius radii atque scintillae, per totius ingentem materiae primae massae molem hinc inde dispersae ac dissipatae: inque mundi partibus disiunctis etiam et loco et corporis mole, necnon circumscriptione, postea separatis... unius Animae universalis scintillae nunc etiam inhabitantes" (Это понуждает лучи и искры рассыпаться и рассеиваться в необъятном объеме всей массы prima materia; сейчас искры единой универсальной души обитают в этих разъединенных частях мира, который ранее отделился от громады материальной субстанции, и даже от ее окружения). Khunrath, Amphitheatrum sapientiae aeternae solius verae (1604), pp. 195, 198.

56

Ibid., p. 197. Ср. с гностической доктриной Зерен Света, собираемых Девой Света и манихейской доктриной частиц света, которые должны приниматься плотью человека в качестве ритуальной пищи, как вид Евхаристии, когда съедается дыня. Наиболее ранним упоминанием этой идеи, как кажется, есть (Irenaeus, Contra haereses, I, 2, 4). Касательно дыни, см.: M.-L, von Franz, "Der Traum des Descartes".

57

"Mens humani animi scintilla altior et lucidior" (Ум человеческой души – это высшая и самая светящаяся искра). Amphitheatrum, p. 63.

58

Khunrath, Von hylealischen... Chaos (1597), p. 63.

59

В качестве синонима Кунрат упоминает (с. 216) "forma aquina, pontica, limus terrae Adamae, Azoth, Mercurius" (форма водяная и море-подобная, слизь земли Адама Азот, Меркурий) [Adama – по-еврейски "земля". – Изд.]

60

Ibid., p.216

61

"Formae scintillaeve Animae Mundi" (формы или искры мировой души), также называются Кунратом (p. 189): "rationes seminariae Naturae specificae" (зерна-идеи Природы, изначальные образцы), таким образом повторяя древнюю идею. Таким же образом он называет "scintilla Entelechia" (p. 65).

62

Paracelsus: Samtliche werke, ed. by Karl Sudhoff, XII, p.231; Bucher und
Страница 29

63

Khunrath, Von hylealischen Chaos, p. 94.

64

Ibid., p.249.

65

Ibid., p. 54. В этом он сходится с Парацельсом, называвшем *lumen naturae* квинтэссенцией, извлеченной из четырех элементов самим Богом. (Sudhoff, XII, pp. 36, 304).

66

Ch. XIX, 1ff. (trans. by Lake in *The Apostolic Fathers*, I, p. 193).

67

"Sic paulatim scintillas aliquot magis ac magis indies perlucere suis oculis mentalibus percipiet, ac in tantam excrescere lucem, ut successivo tempore quaevis innotescant, quae sibi necessaria fuerint". Gerhard Dorn, "Speculativae philosophiae", in *Theatrum chemicum*, I (1602), p.275.

68

"Sol est invisibilis in hominibus, in terra vero visibilis, tamen ex uno et eodem sole sunt ambo" (Солнце, невидимое в человеке, но видимое в мире, является одним и тем же солнцем). Ibid., p.308

69

"Et vita erat lux hominum. Et lux in tenebris lucet". (И жизнь была светом человека. И свет во тьме светит). Ин 1:4, 5.

70

"Lucet in nobis licet obscure vita lux hominum tanquam in tenebris, quae non ex nobis quaerenda, tamen in et non a nobis, sed ab eo cuius est, qui etiam in nobis habitationem facere dignatur... Hic earn lucem plantavit in nobis, ut in eius lumine qui lucem inaccessibilem inhabitat, videremus lumen; hoc ipso quoque caeteras eius praecelleremus creaturas; illi nimirum similes hac ratione facti, quod scintillam sui luminis dederit nobis. Est igitur veritas non in nobis quaerenda, sed in imagine Dei quae in nobis est". "Philosophia meditativa", *Theatrum chemicum*, 1, p. 460.

71

Sudhoff, XII, p. 23: "То, что присутствует в свете природы, в то же самое время является работой звезды" (Huser, X, p. 19)

72

Philosophia sagax, Huser, X, p. 1 (Sudnoff, XII, p. 3).

73

Ibid., pp. 3f (pp. 5f.)

74

Апостолам соответствуют зодиакальные символы, *ibid.*, p. 23 (p. 27).

75

Ibid., p. 54 (p. 62).

76

Ibid., p. 344 (p. 386). Последнее выражение отсылает к Матфею 5:14: "Vos estis lux mundi".

77

Ibid., p. 409 (pp. 456ff).

78

"... подобно петухам, которые поют на изменение погоды, и павлинам, извещающим смерть их господина... все это суть нерожденный дух и свет природы". *Fragmenta medico*, cap. "De morbis somnii", Huser, V, p. 130 (Sudnoff, IX, p. 361).

79

Liber de generatione hominis, VIII, p. 172 (I, p. 300).

80

De vita longa, ed. by Adam von Bodenstein (1562), Lib. V, c. ii.

81

Philosophia sagax, X, p. 341 (XII, p. 382): "Теперь ясно, что вся человеческая мудрость земного тела заключается в свете природы". Это "человеческий свет вечной мудрости": *ibid.*, p. 395 (p. 441).

82

"Более того, свет природы – это свет, который загорается от Святого Духа и не гаснет, ибо он светит хорошо... и это свет такого рода, что требует горения[83 – "Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!" Лука 12:49.], – чем продолжительнее [он горит], тем ярче сияет, и чем продолжительнее, тем сильнее... поэтому в свете природы есть огненная страсть воспламенения"[84 – *Fragmenta cum libro de fundamento sapientiae*, IX, p. 448 (XIII, pp. 325f).]. Это "невидимый" свет: "Итак, постигни, что исключительно в невидимом обретает человек свою мудрость, свое искусство, идущее от света природы"[85 – *Philosophia sagax*, X, p. 46 (XII, p. 53).]. Человек – это "пророк света природы"[86 – *Ibid.*, p. 79 (p. 94).]. Он постигает *lumen naturae* через сновидения[87 – *Practica in scientiam divinationis*, X, p. 438 (XII, p. 488).], наряду с прочими вещами. Поскольку свет природы бессловесен, он во снах создает образы силою слова" (Божиего)[88 – *Liber de Caducis*, IV, p. 274 (VIII, p. 298).].

83

"Огонь пришел Я низвести на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!" Лука 12:49.

84

Fragmenta cum libro de fundamento sapientiae, IX, p. 448 (XIII, pp. 325f).

85

Philosophia sagax, X, p. 46 (XII, p. 53).

86

Ibid., p. 79 (p. 94).

87

Practica in scientiam divinationis, X, p. 438 (XII, p. 488).

88

Liber de Caducis, IV, p. 274 (VIII, p. 298).

89

В *hieroglyphica* Горуполлон звездное небо обозначает Бога в качестве неотвратимой Судьбы, символизируемой "5", вероятно обозначает расположенных по углам квадрата с пятым элементом посередине. [Пер. George Voas, p. 66 – Изд.]

90

Alchemical Studies, index, s.v. "Agrippa".

91

Cornelius Heinrich Agrippa Nettesheim, De occulta philosophia (1533), p. Ixix: "Nam iuxta Platoniorum doctrinam, est rebus inferioribus vis quaedam insita, per quam magna ex parte cum superioribus conveniunt, unde etiam animalium taciti consensus cum divinis corporibus consentire videntur, atque his viribus eorum corpora et affectus affici". (В соответствии с доктриной Платона, в низших сущностях существует определенная добродетель, посредством которой они в известной мере согласуются с высшими существами; отсюда можно увидеть, что молчаливое согласие животных находится в согласии с божественными телами, и что с их телами и привязанностями соприкасаются эти добродетели) и т.д.

92

Lynn Thorndike, History of Magic and Experimental Science, II, pp. 348f.

93

Francois Picavet, Essais sur l'histoire generale et comparee des theologies et des philosophies medievals, p. 207.

94

См. Психология и алхимия, пар. 172, 265, 506, 446, 518.

95

"Liber de compositione Alchemiae" в Artis auriferae, II, p.32. "Чистое лато жарится до тех пор, пока оно не начинает сиять подобно рыбьим глазам". Таким образом, сами авторы трактуют oculi piscium как scintillae.

96

Opera omnia chemica (1649), p.159.

97

Eiremaeus Orandus, Nicholas Flamel: His Exposition of the Hieroglyphical Figures etc. (1624).

98

Также подходит Зах. 3:9: "... на этом одном камне - семь очей". [Обе цитаты даны по русскому каноническому переводу Библии, который частично не совпадает с латинским текстом. - Прим. перев.]

99

Эта мифологема из важнейших в интерпретации cauda pavonis [хвоста павлина (лат.)]. - Прим, перев.]

100

" Elenchos, IV, 47, 2, 3,. Cf. Legge, I, p.109

101

F.Cumont, Textes et monuments figures relatifs aux mysteres de Mithra,;. " – Pitra, ed., Analecta sacra, V, p.300 Цит. из Robert Eisler, Weltenmantel und Himmelszelt (1910), II, p.389, 5.

103

Eisler, p.388. "Всевидящий Хронос" и "всезамечающий демон".

104

The Testament of Ignatius Loyola, trans, by E.M.Rix, p. 72.

105

У Игнатия также было видение "res quaedam rotunda tanquam ex auro et magna", которое плыло перед глазами: вещь круглая, как будто бы сделанная из золота, и великая. Он интерпретировал это как явившегося ему Христа в образе солнца. Philipp Funk, Ignatius von Loyola, pp. 57, 65, 74, 112.

106

[Перевод взят из: Ригведа. мандалы IX–X. Пер. Т.Я. Елизаренкова. М., Наука, 1999. – С. 235. Как объясняет Кумарасвами в American Oriental Society, LVI (1946), 145–61 "десятипальцевое пространство" (буквально: "десятипальцевый") относится "макрокосмически к расстоянию между небом и землей и, микрокосмически, к пространству между верхушкой головы и подбородком" человека. Он продолжает: "Поэтому я полагаю, что Ригведа 10.90 ...показывает способ, каким Пуруша, используя всю землю в качестве подставки для ног, заполняет всю вселенную и правит ею посредством силы видения и т.д., исходящей от его лица, и которой аналогична собственная сила видения и т.д. человека; это лицо, будь оно Бога или человека, является ... само образом целой триединой вселенной. – Прим. R.F.C. Hull.]

107

Elenchos, VIII, 12, 5 [см. также "и", пар. 340 сл. – Изд.]

108

Ibid., VIII, 12, 2.

109

Ср. с алхимическим изречением: "Seminate aurum in terram albam foliatam" (Ищи золото в белой, покрытой листьями земле).

110

Юнг Карл Густав О природе психе filosoff.org
См. мои замечания в отношении "объединяющего символа" в "Психологических типах".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petime.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petime.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!